

Наталия Савицкая

ГОРОДСКИЕ ЗАДВОРКИ:

поэзия уходящего

Омск
2018

Савицкая, Н. В.

С13 Городские задворки: поэзия уходящего / Наталия Савицкая. – Омск, 2018. – 84 с. : ил.

Омск – город-миллионер, устремленный в будущее. За последние годы его архитектурный облик изменился практически до неузнаваемости. Но параллельно с этим новым, растущим и развивающимся миром существует иной – ветхий, исчезающий, угасающий: деревянные домишки, полуразрушенные сараи, крошечные дворики, покосившиеся заборы – одним словом, городские задворки. Вслед за автором читатель совершает мысленное путешествие по старому Омску, получая возможность полюбоваться им, прочувствовать его красоту, ощутить его своеобразие, уют, прелесть, особую энергетику.

Предисловие

Вечно манили меня задворки
И позабытые Богом свалки...
Не каравай, а сухие корки.
Не журавли, а дрянные галки.

Улицы те, которые кривы,
Рощицы те, которые редки,
Лица, которые некрасивы,
И – колченогие табуретки.

Я красотой наделю пристрастно
Всякие несовершенства эти...
То, что наверняка прекрасно,
И без меня проживет на свете!

Татьяна Бек

Я убежденный урбанист и поклонник города как архетипа. Я люблю природу, но гармонию мироздания могу ощутить только в городе. Для полного счастья мне необходимы освещенные окнами лужи на черном асфальте, фонари, убегающие в неведомо прекрасную перспективу, шелест омытой дождем листвы, смешивающийся с шуршанием шин по мокрой автострате, бетонные девятиэтажки, рекламные баннеры, кружево проводов. Город – это уникальный топос, живой организм, наделенный душой, загадочный и притягательный, помпезно-торжественный и неприглядно

заброшенный одновременно. Именно об этой, второй стороне Омска и пойдет речь в книге.

Что я включаю в понятие «городские задворки»? Это уголки, не всегда находящиеся в отдалении от центральных улиц (нередко они расположены в двух шагах от шумных многолюдных магистралей), но отличающиеся особой, неповторимой энергетикой. Это старые, часто деревянные дома, либо готовые к сносу, либо достаточно крепкие, но во многом уступающие современным новостройкам. Это дворики, жизнь в которых протекает по-другому, как будто в параллельной реальности. Это деревянные сарайки, покосившиеся, осевшие набок. В них пылятся вещи, давно позабытые хозяевами, но хранящие дыхание ушедшей эпохи. Это подпертые бревнами балконы с облетающей штукатуркой, стулья, выставленные во дворик за ненадобностью и стоящие вместо привычных скамеек, одинокая березка у крыльца с выщербленными ступеньками, роняющая резные листочки на замшелый козырек подъезда. Это меланхоличные коты, либо взирающие вприщур из окна на бегущих под зонтами прохожих, либо разгуливающие по двору с полным осознанием своего права на территорию и гоняющие чужаков воинственным боевым кличем. Это вынесенные на кристально белый снег ковры, звук пластмассовой выбивалки, эхом отдающийся в соседних дворах и тающий в мягком предвечернем воздухе, это белье, развешанное на веревках, натянутых между двумя столбами, это яблочно-красный закат, дробящийся на алые блески на замерзшем окне. Это отдельный мир, почти не соприкасающийся с огромным, бурлящим, сверкающим, мчащимся в бешеном ритме миром большого города.

Слава, слава, слава этому миру! Вечная память этому миру, ибо он уходит от нас, и с каждым годом всё быстрее. Рушатся старые дома, пустеют дворы, жители получают

квартиры в новых микрорайонах – просторные, со всеми удобствами. На месте снесенных домишек строятся сверкающие монстры из стекла и бетона, сияющие огнями в ночи, манящие неоновыми вывесками и цепочками разноцветных лампочек. Угасает старый Омск, на смену ему рождается новый город, и утро красит нежным светом стены крепких, красивых, архитектурно вычурных новостроек. Жизнь мчится вперед. Так воспоем же ушедшее и уходящее, увековечим его в памяти равнодушных, запечатлеем в стихах и прозе! Споем осанну городским задворкам, полуразвалившимся домишкам и заросшим сиренью дворам! Восславим некрасивое, найдем прекрасное в уродливом, притягательное в умирающем! Благословим прошлое и поблагодарим его. За то, что было. За то, что существует сейчас и дает нам почву для размышлений и повод для любования. Да здравствуют пыльные, непролазно грязные, тихие, угасающие и неповторимо прекрасные городские задворки!

Улицы Учебная, Пушкина и иже с ними

Ломают дом старинный, деревянный,
С балкончиком, с карнизом в снегирах,
С витым крыльцом, с верандою стеклянной,
С крылатыми конями на дверях.
Ломают дом... А на резных воротах,
Расправив хвост, откинув гребешок,
Не замечая тусклой позолоты,
Зовёт гостей веселый петушок...

Т. М. Белозеров

Улица Учебная прячется в сердцевине Омска. Это островок тишины и дымка из труб частных домов, всё плотнее окружаемый в последние годы респектабельными новостройками. Учебную пересекают еще более маленькие и скромные улочки (Почтовая, Успенского, Красных Зорь), которые в совокупности составляют довольно гармоничный ансамбль городских задворков, увы, уходящих в прошлое наиболее интенсивными темпами. Поэтому и хочется успеть запечатлеть очарование этих мест хотя бы на бумаге. Схватить, удержать, сохранить, сберечь. Всё это было, было, было... И вот уже многое ушло, растворилось в теплом воздухе майских сумерек, исчезло, как след от дыхания на стекле, рассыпалось в прах, как старые фотографии в забытой на чердаке коробке.

Я открыла для себя задворки на Учебной весной 2011 года, когда многие деревянные дома еще были жили-

ми. В окнах домиков на Почтовой, 34 и 37, уютно горел свет, и в одном из окон в неказистом горшке красовался алоэ. И хотя по вечерам во двориках этих домов было страшно-ва-то (а уж заглянуть в темный провал подъезда, упрятанного в кирпичную пристройку, я и вовсе не решилась), но теплом веяло от этих построек ощутимо. Очень хотелось представить, как живет людям в этих домиках. Так ли, как в бетонной новостройке, горит настольная лампа, выхватывая из темноты клетчатую скатерть на круглом столе, сахарницу в горошек и пузатый заварочный чайник? Так же, как в кирпичной пятиэтажке, шумит вода в трубах, убаюкивая и навевая мечтания, призрачные, «словно лопасти латаний на эмалевой стене»? Или деревянный дом имеет свои, отличительные признаки? Может, он скрипит и вздыхает по ночам, зная, что скоро канет в небытие? Может, по ночам по дому бродит привидение, нестрашное, хозяйственное, домовитое, и затыкает паклей образовавшиеся в бревенчатых стенах щели? Каково каждый день подниматься в свою квартиру не в лифте с зеркалом и рекламным щитом (меховой салон, доставка суши, школа коррекции почерка), а по старой, поющей под ногами деревянной лестнице с расшатанными перилами? Что лучше? Где будешь чувствовать себя счастливее? Но нет ответа на эти вопросы, молчит алоэ на подоконнике, раскачивается фонарь над подъездом, а ветер гонит по двору тополиный пух и опавшие березовые сережки, которые почти не встретишь в районах новостроек.

Двухэтажный деревянный дом по адресу Учебная, 53 я прозвала пряничным домиком. Чем то он был на него неуловимо похож: леденцовыми ли стеклами в окошках, приятно песочным, коричне-имбирным цветом стен, сказочностью какой-то, таинственностью, бабоягинским расположением: в густой листве деревьев, летом скрывавших его почти полностью. Я видела и фотографировала этот дом во все времена

года. Ах, как сладко, наверно, хрустели сосульки, нависшие на крыше и над козырьком подъезда подобно ледяному кружеву! Как весело сияли снежинками замерзшие стекла в деревянных, скрипящих от холода рамах! И как уютно голубели в сумерках сугробы в сквозном проеме незадернутых... да нет, не гардин, конечно, откуда в таком доме гардины? Шторок – простых, незатейливых, ситцевых, с уютными рюшечками. И через маленький дворик к калитке вилась узенькая тропинка, протоптанная в снегу как будто бы кем-то одним. Осенью старые яблони покрывал рубиновый бисер ранеток и воздух был настолько чист и прозрачен, что шуршание опавшей листвы разносилось далеко за пределы двора. Весной перед крыльцом появлялась большая проталина, по всему двору разносился запах мокрой, оттаивающей древесины, в осевшем снегу от капли с крыши оставались четкие круглые точки, будто бы завершающие простое нераспространенное предложение «Зима прошла».

Где-то в 2015 году на доме появилась табличка с надписью, гласящей о том, что дом будет расселен и жителям предоставят квартиры в новом микрорайоне на Завертяева. Осенью 2017-го дом уже был пуст, окна забиты фанерой, а дверь подъезда сиротливо покачивалась на растянутой пружине. Дом пока не снесен, но настанет день, и он исчезнет. Всё на свете имеет свой век, всё умирает. Таков закон жизни, как бы ни было печально. Что построят на месте пряничной избушки? Куда полетит на своей ступе Баба-яга? Не в новый же микрорайон на Завертяева: нечего ей там делать. И с кем теперь коротает удлинившиеся ночи домохозяйка? С позабытым ли в спешке венским стулом, таким же старым, как и сам дом? Или с растрескавшимся, расслоившимся буфетом, не взятым на новое место жительства по причине ветхости? Прощай, старый дом! Отныне ты будешь жить в чьих-то воспоминаниях, ломких, непрочных, как про-

глаженные утюгом осенние листья, забытые между страниц книги («Беседы о домашнем хозяйстве». – Москва : издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1959).

Есть еще два дома на Учебной, стоящие того, чтобы быть увековеченными: № 78 и 80. Они составляют единый архитектурный ансамбль и даже оба выкрашены в зеленый цвет, правда разных оттенков. На жестяной табличке значится, что это особняки 1910 года постройки. Вдумайтесь только – 1910-го! Больше ста лет простояли они, при этом служили людям до последнего! Интересно, какой была улица, когда закладывался фундамент домов? Называлась ли она Учебной? И о чем переговаривались веселые строители в холщовых рубахах, перехваченных витым, с кистями пояском? Как свежо и празднично пахло стружками и смолой, как весело визжала пила и стучал неугомонный молоток! И важно, величественной поступью всходила на крыльцо нового особняка дородная купчиха в накинутой на плечи шали, неся на руках завернутую в одеялко уютную теплую кошку, готовящуюся выполнить важную миссию – первой войти в новый дом. Надеюсь, мясорубка революции пощадила купчиху и она мирно доживала свой век в компании кошки и герани, стоявшей на узком подоконнике деревянного окна с затейливыми наличниками, ожидая писем от детей и внуков, разлетевшихся по стране и занятых строительством новой жизни. Дом помнит и купчиху, и всех последующих жильцов, радовавшихся, грустивших, любивших и мечтавших в его стенах. После революции здесь наверняка поселилось много жильцов: тенденция к уплотнению коснулась и купеческих особняков. Уживались ли они мирно? Дружили всем домом? Кто посадил рябинку в крошечном дворике, надежно спрятанном от шума улицы за каменной аркой и выступами стен? Кто вкопал столбы и натянул между ними веревку для сушки белья?

Сейчас эти два дома тоже готовятся к сносу. Жильцы выехали, и свет больше не горит ни в подъезде, ни в крошечном окошке, которое, как мне казалось, было расположено не в чьей-то квартире, а в каком-то общем коридорчике, заставленном ненужной утварью. Оно не мылось несколько десятилетий, поэтому свет сквозь него проникал тускло и от этого казался еще более притягательным и сказочным. Мне очень хотелось попасть в этот дом, посмотреть на него изнутри и узнать наконец, что же скрывается за этим таинственным окошечком, вызывающим прочные ассоциации с избушкой Бабы-яги. Но сейчас дома пусты, и их былое очарование безнадежно утрачено. Двор зарос какими-то вьющимися растениями и завален мусором, дома скрипят и рассыхаются, скоро не станет и их, и на этом месте вырастет высотное здание. Прощайте, купчиха в вязаной шали, огонек герани на заиндевевшем окне, начищенный самовар и высокая кровать с кружевным покрывалом и уложенными горкой подушками! Сквозь кисею десятилетий их очертания видятся смутно, как сквозь матовый лист папиросной бумаги, некогда закрывавшей фотографии в старинных альбомах. Только чуть слышно раздается мурлыканье полосатой кошки, дремлющей на коленях купчихи, и пение самовара, украшенного связкой теплых бубликов с маком и увенчанного фарфоровым заварочным чайничком.

Но не всё так печально на улице Учебной! Каким-то чудом, перышком Финиста Ясного Сокола прилетел, закружился и опустился на землю новый, реконструированный дом вместо снесенного старого. Двухэтажный деревянный дом под номером 68 ныне украшен табличкой с информацией о том, что он подлежит государственной охране. Построен он был в 1920-е, а восстановлен в 2014-м. По всей видимости, архитекторы и рабочие постарались сохранить дом таким, каким он был изначально. Светлые оструганные

бревнышки до сих пор пахнут свежей смолой, доски в основании причудливых балкончиков с резными балясинами подогнаны плотно, одна к одной, искусная резьба украшает скаты крыш и наличники окон, и кокетливой изюминкой смотрятся башенки над подъездами – эдакий дизайнерский изыск 1920-х годов. Но это не старый Омск. Это новострой, не обладающий притягательной энергетикой старины. Сейчас этот дом не жилой, в нем расположены офисы каких-то организаций. Он прочнее и основательнее старого, но не красивее его. Старый дом был ценнее. Что ж, время не пощадило его, и теперь на этом месте красуется его потомок, похожий на него, как брат-близнец. Пусть будет так. Пусть дома не уходят навсегда, а возрождаются из пепла, собираются по бревнышкам и по кирпичикам, чтобы служить новым поколениям омичей. Пусть. Люди оценят это.

На пересечении улиц Пушкина, Степана Разина и Масленникова до недавнего времени стояло несколько очень старых и архитектурно интересных домов. Один из них был поделен на два крыла, соединенных балкончиком с круглыми, искусно выточенными балясинами, на который можно было подняться по двухпролетной лесенке с кружевными, тонкойковки перилами. Откуда то из литературы всплыло в памяти слово «галдарейка» – нечто среднее между балконом и опоясывающей старинные дома галереей. С тех пор я этот дом иначе как «домиком с галдарейкой» не называла. Квартиры в этом доме, скорее всего, было немного, зато наверняка они были нестандартно спланированы. Свидетели этого – выходы на балкончик-галерею прямо из комнаты, окна первого этажа, смотрящие в какой-то темный, непонятного назначения тупичок, сенки, которые нельзя назвать полноценным подъездом, разноплановость в конструкции левого и правого крыла. Такое впечатление, что каждая квартира здесь была уникальна, то есть не было двух одинаковых,

типовых, шаблонных, которых так много в бетонных девятиэтажках. Жильцы любили свой дом, он был им дорог: кое-где виднелись свежие доски, вкрапленные в старые, потемневшие от времени и непогод бревна, крыша радовала свежим шифером. Незадолго до сноса дома рамы окон второго этажа покрасили ярко-синей краской, а балясины галдарейки – желтой. И как уютно смотрелись разномастные почтовые ящики на одной из стен, как сладко хрустела зимой дверь подъезда, обитая дерматином и толстым слоем войлока, когда в лицо выходящему ударял ослепительный мороз! Как сладостен был этот мороз после байкового тепла маленьких комнаток! Как отчетливо печатались следы на голубоватом снегу, как пел он и визжал под подошвами валенок и зимних ботинок!

Мне кажется, что жизнь в таких домах протекает по-другому – не так, как в типовых многоэтажках. Возможно, жильцы общаются друг с другом по-иному, более мирно, тесно, дружно, что ли. А иначе зачем во двор вынесены стулья и табуретки? Кто расчистил дорожку к калитке забора, окружающего этот закрытый мирок? Кто подметает балкончик и лестницу? Кто сажает цветы на клумбах?

Хорошо здесь было, уютно, приятно. В нескольких шагах шумели широкие проспекты, освещенные длинными рядами фонарей, а здесь, за деревянной калиткой, сразу становилось темно и тихо. Только над входом в подъезд приветливо светила лампочка. И отрадно становилось на душе тому, кто возвращался сюда вечером после работы, видел теплящийся за шторками огонек в своем окне и знал: он не одинок в бурлящем водовороте жизни, его любят и ждут. Ждут за накрытым столом с жареной картошечкой, толстыми ломтями свежего пшеничного хлеба и миской хрустящей квашеной капусты с клюковкой. А из угла комнатки так уютно выглядывает старая деревянная кровать, накры-

тая сшитым бабушкой лоскутным одеялом, которое укрывает уже третье поколение.

В 2017 году этих домов не стало. Жильцов расселили задолго до сноса, они были рады этому (я косвенно знаю одну семью, жившую в доме на Пушкина, 77): всё же здесь не было ни кухни (приходилось готовить в комнате на плитке), ни ванной, ни даже туалета – только комнаты. Туалет стоял в углу двора – стандартный деревянный «скворечник». Был ли хоть какой-нибудь водопровод, сказать не могу. Вероятно, был: водокачек поблизости не наблюдалось. Поэтому в квартиры с удобствами жильцы уехали охотно, и теперь на месте деревянных домов – пустырь с горами бревен, досок и мусора, оставленного при переезде. И внезапно то тут, то там из кучи мусора выглянет какая-нибудь ценная вещь – отголосок прежней жизни, поманит былой роскошью и вновь канет в небытие. Вот эта, к примеру, белая лакированная туфелька с бантом – кто ее носил? Где теперь танцует эта девочка, ведь новый ее дом так далеко от улицы Пушкина? И куда в спешке делась вторая туфелька, не горюет ли хозяйка о ее утрате? Или вот этот настенный календарь, заклеенный какими-то картинками – даже непонятно, за какой он год. А вот продавленное плюшевое кресло, на котором некогда сживал глава семейства. Теперь оно выставлено за ненадобностью во двор и служит пристанищем деклассированных элементов, изредка собирающихся среди руин снесенных зданий. Нет дня, чтобы душа не ныла, не изнывала б о былом...

Завершая разговор об улице Пушкина, нельзя не упомянуть своеобразный архитектурный ансамбль, состоявший когда-то из четырех (ныне трех) двухэтажных деревянных домов, расположенных на перекрестке с улицей Маяковского и одной стороной упирающихся в крохотную улочку Училищную. Эти дома образовывали уютный замкнутый мирок,

в который хотелось возвращаться. Добротные, на кирпичном фундаменте, сложенные из крепких бревен, крашенных темно-зеленой краской, архитектурно причудливые, эти дома и сейчас вызывают интерес и желание зайти туда. Со всех сторон они окружены бетонными великанами, равнодушно вззирающими с высоты на эти деревянные букашки, невесть как оставшиеся не раздавленными в эпоху тотальной модернизации. Впрочем, одного дома уже нет. В 2017 году снесен дом по адресу Пушкина, 105 (теперь вместо него груда обломков и мусора), а три его собрата живы и до сих пор обитаемы. У этих домов общий дворик, в котором постоянно сушится развешанное на веревках белье. Наверно, так оно приобретает приятный аромат свежести, а может быть, в этих домах сыро и постиранная одежда просто не успевает там просохнуть. Около 107-го дома, на задворках (задворки задворок, исчезающее в исчезнувшем, былое, уходящее, рассыпающееся!), до сих пор вскопан маленький садик-огородик, возможно приносящий какой-никакой урожай. Окна во многих квартирах пластиковые, двери в подъездах еще крепкие, в доме на Училищной, 4 даже железная, бросающая в закатное небо приказ «Закрывать всегда!», никем, разумеется, не соблюдаемый: так и стоит она нараспашку, пока тепло, пока не покроются первым снегом тополиные листья, источающие прохладный, с легкой горчинкой запах осени. Подъезд дома, расположенного перпендикулярно этому, охраняет тоненькая рябинка, роняющая коралловые бусины на деревянное крыльцо, усыпанное желтыми листьями. У подъезда одного из домов стоит старая ванна, в которой лежит какой-то хлам, некогда представлявший ценность, и казенный, учрежденческий стул из советских времен, очевидно переехавший сюда из какого-нибудь ДК и сменивший помпезный зал с гипсовыми серпами и пшеничными колосьями на деревянный дом и дворик, заросший трогательными оранжевыми ноготками.

Хочется верить, что эти дома не исчезнут с лица земли окончательно, но, скорее всего, их не пощадят. Хотя прослужить они могут еще долго: надежен фундамент, крепки ставни в окнах первого этажа (как здорово, вероятно, выюжной зимней ночью выскочить на минутку из подъезда, तोропливо закрыть их на болты, взглянуть на головокружительно далекие звезды в ясном ночном небе и вернуться в тепло, в дом, к очагу, и как отраднo потом ощущать себя отрезанным от всего мира!). Светят фонари над подъездами, исправно ловят сигнал телевизионные «тарелки», и милым домашним штрихом смотрятся крошечные балкончики в окнах второго этажа, сделанные самими жильцами и вмещающие не более чем горшок с фиалками и пакет с хозяйственной утварью.

На улице Маяковского есть еще два дома, стоящие того, чтобы быть упомянутыми здесь. Вот уже несколько лет они находятся в странном состоянии, как будто выпали из пространственно-временной парадигмы. Это двухэтажные дома, рубленные из бревен, соседствующие с магазином «Тысяча мелочей», «оформленные высокими фронтонами на боковых частях». Построены они были в 1920-х годах для работников Водоканала жилищно-строительным товариществом-кооперативом. «Подкарнизное пространство зданий украшают накладные детали в виде пятиконечных звезд, серпа и молота – символов новой жизни страны Советов»¹. Жильцов выселили давным-давно, и уже после этого дома кто-то поджег. Пожар потушили, однако ни сносом, ни реставрацией домов долго никто не занимался. Так и стояли они неприкаянно, глядя на мир забитыми фанерой окнами,

¹ Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). – Омск : Издательский дом «Лео», 2009. – С. 574. – (Энциклопедия города Омска : в 3 т. – Т. 1).

топорщась обгоревшими бревнами на крышах, скрежеща полуоторванными ставнями. Сквозь сон слышался им топот детских ножек по деревянной лестнице, веселая перекличка хозяек, вешающих на просушку белье во дворе, приглушенное бормотанье телевизоров и радиоприемников, уютные беседы жильцов за вечерним чаем. Исчезло, забылось, пропало всё это, растворилось в водовороте омских улиц и теперь существует вне времени где-то в параллельном мире. В конце 2017 года дома были полностью снесены, а уже зимой 2018-го (о радость, о счастье!) на их месте в небо вонзились деревянные сваи, знаменующие начало новой жизни: здания будут восстановлены, об этом гласит и табличка на заборе, окружающем стройку.

Живите сто лет, старые дома! Растите в своих стенах не одно поколение омичей, радуйте их теплом и уютом, какого нет в панельных многоэтажках! Низкий вам поклон и многая лета, городские задворки!

В 16-м военном городке и его окрестностях

Всё то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человеческое.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.

С. Я. Маршак

Почему именно 16-й? Где остальные пятнадцать военных городков в Омске? Что это – улица с таким оригинальным названием или невидимый город, как назвал его один из омских блогеров? Вот что мне удалось найти на просторах Интернета (весьма немного, так как в основном поисковик выдает стандартную информацию вроде почтового индекса или расположения городка на карте): «В Омске есть один почти заповедный район старых дореволюционных зданий, в основном краснокирпичных, – это 16-й военный городок. Возникший задолго до революции как место для всевозможных военных летних лагерей, он затем оброс казармами и домами для офицеров и стал основной круглогодичной площадкой дислокации войск омского гарнизона... Я всем рекомендую обязательно погулять по городку, причем как по той его части, что до наземного перехода, так и по той, что после – там тоже много интересного»¹. Так

¹ 16-й военный городок. Невидимый город. – URL: <http://omchanin.livejournal.com/81388.html>

пишет в «Livejournal» какой-то мой незримый единомышленник, скрывшийся под ником Omchanin, и мне отрадно читать эти и им подобные строки, потому что они свидетельствуют о том, что есть в нашем городе люди, небезразличные к поэзии задворок. Люди, мыслящие, как я, любящие старый Омск.

Мне удалось узнать, что построен 16-й военный городок был на месте городка 44-го саперного батальона. Когда-то там располагались летние лагеря 43-го батальона, была дача наказного атамана Сибирского казачьего войска. И поныне есть в 16-м военном городке военная часть, но она не представляет особого интереса для меня. А вот красные кирпичные двух-трехэтажные дома постройки 1910-х годов я готова разглядывать часами. В этом «невидимом городе» особая, неповторимая энергетика. Не такая, как в районе деревянных домов, воспетых мною ранее, а своя, не менее притягательная. Здесь на человека (любого: и живущего здесь, и просто гуляющего) снисходит какое-то умиротворение, покой и, если хотите, благодать! Здесь хорошо бродить зимой или ранней весной, когда черное кружево веток тонкими штрихами вырисовывается на серебристом сиянии неба, а на крышах деревянных сарайчиков – атавизме ранней советской эпохи – плотной шапкой лежит подтаявший слоистый снег. «Если вы хоть раз были в этом месте, наверняка знаете, насколько всё пропитано здесь особой энергетикой... Я часто бывала здесь в юности, местная архитектура и уют улиц действовали словно магнит. Зайдя в любой из дворики, будто попадаешь в детство: тут и там развешанное белье, на каждой лавочке по парочке о чем-то самозабвенно сушащихся бабушек, в каждой песочнице – малыши. А еще зелень, повсюду зелень», – пишет корреспондент «Аргументов и фактов» Александра Горбунова в статье «Городок

на пустыре»¹. Удивляюсь и радуюсь, что мои ощущения совпадают с чьими-то еще. Значит, я не одинока в своей любви к задворкам!

«Очнувшейся природы скупая благодать, / И тени длинные, и быстро вечерет...»². Не знаю, бывал ли омский поэт Олег Чертов в 16-м военном городке, но слова его удивительно точны. Именно такое ощущение возникает в душе человека, находящегося здесь. Зажигается свет в окошках домов – непривычно узких, вызывающих ассоциации со средневековым замком, чему в немалой степени способствуют затейливо украшенные печные трубы на крыше (ныне, разумеется, не используемые) и богатая лепнина на стенах и под застрехой. Недоуменно взирает на проходящих мимо людей снеговик с веткой сосны в руке – уже подтаивающий, рыхлый, весенний. Скользит под ногами утоптанная обледеневшая дорога на улочках Полосухина и Печникова, и вязнут спицы расписные в расхлябанные колеи.

Дома эти из темно-красного, почти вишневого кирпича достаточно однообразны в плане архитектуры и в совокупности составляют некий ансамбль (Полосухина, 86, 91, 92, 101, 102). Построены они в начале прошлого века, однако крепки и прочны и в наше время. Рядом со стандартной блочной пятиэтажкой они смотрятся как Золушка в бальном платье рядом с Золушкой повседневной. Помните у Татьяны Толстой: «Посреди столицы угнездился дворец Филина, розовая гора, украшенная семо и овамо разнообразнейше, – со всякими зодческими эдакостями, штуkenциями

¹ Горбунова Александра. Городок на пустыре // Аргументы и факты. – 2016. – 17 июня. – URL: http://www.omsk.aif.ru/society/gorodok_na_pustyre_kak_voennye_kazarmy_stali_chastyu_omsk

² Чертов Олег. Вечный дом // Поэтоград. – 2014. – 39 (140). – URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=11113>

и финтибрясами...»¹ – а почему бы не сказать так и об этих домах? Именно «зодческие эдакости» придают неповторимое очарование домам на улочке Полосухина, делают их недоступными для простых смертных, а от этого – более привлекательными. «В настоящее время военный городок – это город в городе, каждая плитка, каждый кирпич здесь несет в себе смысловую, культурную нагрузку. На стенах строений можно найти записи, старательно сделанные в разные годы теми, кого так или иначе судьба забросила в эти места. Самая старая запись, найденная нами, датируется 1924 годом, а основная часть граффити относится к 1930–1950 годам, – читаем в «АиФ». – Примечательно, что ни одно из дореволюционных зданий на территории 16-го военного городка в Омске не имеет статуса объекта архитектурного наследия и до сих пор не взято под охрану государства. Хотя целостный историко-архитектурный ансамбль зданий 1909–1916 годов в военном городке под Омском – это по сути уникам, достойный должного внимания как историков, так и соответствующих надзорных органов, занимающихся охраной культурного наследия. Самому старому зданию, сохранившемуся здесь до наших времен, в этом году исполнится 106 лет – немалый срок для того, чтобы получить поддержку и уход государства»². Как близки мысли омского журналиста моим! Как хочется мне сохранять и оберегать всё старое или хотя бы увековечить его в воспоминаниях, в очерках, на фотографиях!

На сайтах омских риэлторских агентств мне удалось разыскать фотографии выставленных на продажу квартир из этих домов. Как я и предполагала, там высокие, около трех метров, потолки, толстые стены, длинные коридоры, мало-

¹ Толстая Татьяна. Факир // Ночь. – М. : Эксмо, 2007. – С. 255.

² Горбунова Александра. Городок на пустыре.

понятные, но притягательные чуланчики, закутки, закоулки. Однажды в 2003 году мне довелось побывать в одном из старых домов того района (16-й военный городок, 338). Дом этот крепкий, кирпичный, двухэтажный, с трубами на крыше, с обычными навесными балконами и лоджиями в виде арок, стены оштукатурены и выкрашены в нежно-желтый цвет. С одной стороны – той, что выходит на трамвайные пути, на самый их поворот на улицу Учебную, какой-то предприимчивый богатенький омич пристроил балкон в два этажа, выбивающийся из общей архитектуры дома, но в принципе не портящий ее. Помню высокие потолки, массивные стены с прекрасной звукоизоляцией, кухню, поделенную на две части, одна из которых представляла собой безоконный закуток, видимо, для холодильника или каких-нибудь шкафов. Больше такой планировки кухни я не видела нигде и никогда. Как бы мне хотелось побывать в каждом таком старом доме и написать очерк уже об этой, внутренней стороне жизни на задворках! Но и фантазировать, представлять, делать выводы, опираясь на внешний вид домов и любопытные, милые сердцу мелочи вроде цветочных горшков и котеек на окнах, не менее интересно.

Сарайчики во дворах хочется описать подробнее. Я видела и фотографировала их во многих районах нашего большого города: в Нефтяниках, на Ангарской и Братской, на улице Труда, 3-м Разъезде и в 16-м военном городке. Это что-то вроде индивидуальной кладовой для каждой квартиры. Построены они так давно, что абсолютное большинство из них уже рассыпается. Многие осели набок, наклонились, как будто готовятся уйти в землю, в небытие, в вечность, унося с собой то, что в них хранится. Доски сарайчиков давно выцвели, посерели от дождей и снегопадов, истончились. Попытки реставрации привнесли в эти сарайчики комнатные деревянные двери, навесные замки,

фанерные щиты, куски шифера, толя и ткани. В 16-м военном городке я встретила сарайчики кирпичные, нечто вроде маленьких гаражей с разноцветными железными дверями. Некоторые жильцы в желании эстетизировать свои сарайки раскрасили их в желтый, зеленый, оранжевый цвета, украсили орнаментом или граффити, подписали номера, перекрыли крыши. Что хранится там – тайна за семью печатями не только для меня, но, думаю, и для самих жильцов тоже. Когда они в последний раз заглядывали в свои кладовые? Помнят ли они про банку засахаренного вишневого варенья, закатанную лет десять назад? Или про рулон обоев, оставшийся от ремонта и отправленный в сарай с формулировкой «Когда-нибудь пригодится»? А вот этот кухонный шкафчик, стоящий около сарайчика и заваленный рулонами старого линолеума, – зачем он нужен сейчас, какую миссию выполняет? Вот бы заглянуть хоть одним глазком в глубину этих сарайчиков! Что там – сокровища Али-Бабы или никому не нужная рухлядь, которая для меня-то была бы ценнее камней и золота? По всей видимости, многие сарайчики сейчас заброшены и по назначению не используются. Я видела их на исходе зимы, мягким пасмурным днем, когда плотные, но уже подтаившие сугробы со всех сторон обступили эти деревянные развалины, полностью забаррикадив вход. Видно было, что за всю зиму жильцы не заглядывали в свои владения, а снег перед дверями сарайчиков был испещрен только следами птиц и котов.

Почему же не сносят эти деревянные сараи? Кому они нужны сейчас? Может, потому и не сносят, что есть в них что-то привлекательное, какая-то неуловимая ценность? Или же потому, что на месте их сноса новый дом всё равно не возведешь? Вот и доживают они свой век, готовясь со временем уйти в небытие, в малиновый закат, который гаснет

за крышами кирпичных двухэтажек, переживших немало значимых исторических событий.

В 16-м военном городке есть еще одна интересная достопримечательность – виадук над военной частью. Я помню этот виадук со своих тринадцати лет, когда, идя в гости к подруге, основательно побродила по этому удивительному городку и, можно сказать, открыла его для себя. С тех пор виадук почти не изменился, разве что заметно покрылся ржавчиной, а местами железо истончилось до того, что стало напоминать кружево. Идти по обледеневшим ступеням страшно, особенно зимой и весной, и никакой-то шикарный вид с него не открывается, а всё равно интересно! Виадук условно делит городок на две части, и вот та, что расположена после спуска, выглядит более современно, хотя и старинные дома там тоже встречаются. Здесь изобилуют разноцветные новостройки (причем цвета их какие-то непривычные: розовый с белым, желтый с зеленым), на вид непрочные, как картонные домики. На самом деле это не так, просто создается контраст между новыми многоэтажками с улучшенной планировкой и ровесниками века, хранящими дыхание ушедших эпох. Четких границ у 16-го военного городка, на мой взгляд, нет. На востоке он плавно переходит в Транспортные, Панфилова, а там и до Богдана Хмельницкого рукой подать. На западе из него можно выйти как на Братскую и Орловского, так и (ближе к цирку) на Бульварную и даже на Маркса. Лично для меня 16-й военный городок начинается за трамвайными путями, там, где на повороте мелодично поют рельсы, навевая воспоминания о далеких странах и милых сердцу людях. Мимо гостиницы для цирковых артистов «Огни манежа» (серая пятиэтажная коробка с длинными окнами на лестничных площадках, разграфленными на квадратики из толстого непрозрачного стекла), мимо двух- и трехэтажных домов,

куда-то туда, к чему-то неведомо далекому, но прекрасному, в закат, в ушедшее...

Еще один объект этого микрорайона заслуживает быть увековеченным здесь. Это маленькая чебуречная, просуществовавшая бог весть сколько лет и накормившая не одно поколение омичей различного социального статуса. Туда постоянно ходили цирковые артисты, приезжавшие в Омск на гастроли (располагалась чебуречная в двух шагах от гостиницы), а также те, кто знал о ее существовании, ибо найти ее было не так просто. Но всегда ценили как уютную, по-своему притягательную атмосферу, так и вкусные, с пылу с жару, чебуреки. Возможно, в них было немного начинки, но в чебуреках я с детства больше ценила тесто, нежели мясо, поэтому меня они вполне устраивали. Бывала я здесь несколько раз в глубоком детстве, поэтому воспоминания остались весьма расплывчатые, смутные. Помню, что именно здесь я впервые попробовала и полюбила лагман и шурпу. По сути, эта чебуречная предназначалась для представителей маргинальных слоев (может быть, там и спиртным в розлив торговали, не знаю), но опыт показывает, что именно такие заведения имеют превосходную кухню. Сейчас от этой чебуречной не осталось даже фундамента. По неизвестным причинам ее снесли (я видела ее руины: из груды кирпичей возвышалась уцелевшая стена с трогательной голубой кафельной плиткой, вероятнее всего, часть кухни), а само заведение перенесли в гостиницу «Автомобилист», находящуюся неподалеку. Но это уже не то. Туда я даже заглядывать не хочу: не сравнится новое заведение с той старой, маленькой, пропахшей комбижиром, но удивительно уютной чебуречной. Но она не исчезла бесследно: где-то там, в параллельной вселенной, по-прежнему распаивает она уютные двери перед теми, кто помнит ее, и живет там, в зыбких и непрочных, сотканных из неуловимых теней воспоминаниях.

Но довольно об этом районе. Говорить о нем можно сколь угодно долго, покуда есть на свете любители задворок. Попрощаемся с 16-м военным городком, уходя, кинем взгляд через плечо на старые кирпичные домики, протоптанные к подъездам дорожки, пламенеющие буйной пестрядью цветов клумбы, покосившиеся сарайчики, лепнину на стенах дореволюционной постройки зданий. Попрощаемся и уйдем к своим неотложным повседневным делам, но сердце будет помнить тихую прелесть этого района. Пусть живет он среди современных зданий. Не надо его разрушать: он необходим городу, как деталь пазла, без которой цельной картины не получится, как ни старайся.

Улицы 20 лет РККА, Богдана Хмельницкого, Красных Зорь, Линии

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

Ф. И. Тютчев

Уголок Омска, расположенный на этих и между этими улочками, тоже своеобразен и притягателен. Энергетика здесь своя, но, в отличие от покоя и умиротворения 16-го военного городка, здесь беспокойно и даже как-то тревожно. По всей видимости, это связано с расположенной неподалеку детской больницей (большой комплекс зданий с постоянно направляющимися туда автомобилями «Скорой помощи» и реанимации и какой-то неприятной высокой трубой, часто дымящей в небо) и кожно-венерологическим диспансером. Всё же энергетика болезней, страданий и даже смерти не может не отражаться на районе и жизни горожан, а я всё это чувствую очень хорошо. А возможно, это обусловлено тем, что на большом участке здесь когда-то располагалось кладбище, и церковь Всех Святых (деревянная, с зеленой крышей) построена на его месте. В общем, странно здесь как то, но в то же время мне нравится возвращаться сюда, и я люблю здесь гулять во все времена года.

Улица 20 лет РККА сама по себе старинная, на ней очень много и еще крепких, и полуразрушенных кирпичных домов, как правило, двух- и трехэтажных, с полуразвалившимися, подпертыми для прочности железными столбами балкончиками, под которыми страшно проходить. Ближе к спорткомплексу «Красная звезда», почти на Масленникова, были даже два дома, построенных, как я узнала, пленными немцами в 1940-х годах (20 лет РККА, 180 и 182). Из архитектурных «изюминок» можно отметить проступающую из-под облетающей штукатурки арматуру, представляющую собой вмонтированные в стены тонкие горбыли, образующие мелкую клетку, и чуть кривоватое окошко, как ни странно, присутствовавшее в обоих домах, – как будто строго следовали одному плану с небольшим инженерным просчетом. В 2017 году я вновь навестила эти дома, но обнаружила только один из них, под номером 180, хотя отчетливо помню, что раньше их было два (есть фотография 2014 года, подтверждающая это). Странно то, что от второго не осталось даже обломков и элементов фундамента – ни следа того, что дом этот когда-то стоял, не приснился мне, не был соткан из воздуха и чьих-то воспоминаний. Если его снесли (а это возможно: я лично наблюдала поэтапный процесс сноса нескольких старых домов по улице Масленникова), то почему пощадили второй? Оставят ли его или тоже скоро уничтожат? А был ли первый? И снова нет ответа на эти вопросы, только стучит по стене оторвавшаяся от крыши полоска кровельного железа, как незримый метроном, отсчитывающий и наш земной срок, и оставшиеся дни жизни старого дома.

Но вернемся ближе к центру, в тот милый сердцу уголок города, который начинается от улицы Лермонтова, где панельные девятиэтажки постепенно сменяются панельными же пятиэтажками, а потом и вовсе переходят в старые

кирпичные двух- и трехэтажные домики. Здесь повсюду – отголоски ушедшей эпохи, какие-то приветы из прошлого, культурные знаки, зашифровавшие информацию, доступную не каждому. Вот, к примеру, в одном из дворов (Лермонтова, 136) у подъездов врыты в землю старые эмалированные раковины. Зачем? Какую функцию они выполняют? К сожалению, в наши дни зимой они засыпаны снегом, а летом завалены мусором. А раньше? Может, это были крошечные пруды, где трепетали стрекозы и летали эльфы, один из которых предложил руку и сердце Дюймовочке? А может, водоемы, и в них маленькие дети пускали кораблики и пластмассовые лодочки? И уж детям-то точно облупленные раковины представлялись бескрайними морями. Сейчас никому нет дела до этих раковин, в них кидают окурки и прочий сор, но для меня они по-прежнему значимы. Иногда проходя мимо этого дома, я вижу эти несостоявшиеся пруды и улыбаюсь: здесь, мол, они, на месте, значит, завтра взойдет солнце и будет новый день, значит, Земля еще повернется пока!

А то в одном из дворов пока еще не разломали деревянную эстраду с несколькими рядами скамеек перед ней. Чудо же, правда? Сейчас на нее взбираются лишь дети в желании просто побаловаться, а раньше-то! Наверняка устраивались концерты, собиравшие жителей окрестных домов. Звучал в теплом сиреновом воздухе аккордеон, мягко пело звучное контральто, ему вторил ласковый тенор... Где-то позади, за столиком, стучали костяшками игроки в домино, хозяйки звали с балконов загулявшихся ребятишек, и сыпался, сыпался на всё это белый, ароматный, бесконечно прекрасный яблоневый снег.

Перейдем по диагонали двор дома на Лермонтова, 134а, минуем 38-ю школу, гаражный кооператив и углубимся в самое сердце городских задворков, в круговерть уходящего. Здесь серый цвет панельных домов сменяется насыщенно-бордо-

вым оттенком кирпича и грязно-розовым цветом интенсивно облетающей штукатурки. Дома здесь толстостенные, прочные, добротные. Архитектурным изыском можно считать белую лепнину вокруг окон и по углам домов. Наружные подоконники таких домов настолько прочные, что могут выдержать артобстрел и не раскрошиться. Под некоторыми окнами, особенно на первых этажах, лепнина имитирует балконные балясины, и сам первый этаж расположен достаточно высоко, во всяком случае, в окна так просто не заглянешь. У многих двухэтажных домов очень уютные маленькие дворики. В них находятся такие вещи, которые не встретишь во дворах многоэтажек. К примеру, вот стоит столик с двумя скамейками по бокам, а за ним, кажется, мангал! Да-да, вкопанный в землю обгоревший железный мангал! Как только сходит снег, по окрестностям разносятся ароматы запекаемого на углях мяса, и никакая пожарная служба, запрещающая разводить огонь в черте города, сюда не доберется! А вот турничок, врытый в землю, – кто на нем занимается? На всём здесь, как и вообще на всех «задворочных» пейзажах, лежит печать домашности какой-то, уюта, теплоты. Думается, что и время здесь течет по-другому, медленнее, чем везде.

Любопытен архитектурный ансамбль, состоящий из шести двухэтажных домов по адресу 20 лет РККА, 19. Изначально корпуса строились по единому плану, но время и люди привнесли в них много своего, индивидуального. Подкрашены разным цветом участки стен, вставлены разномастные окна, оригинально застеклены лоджии. Не лоджии даже, а целые комнаты на втором этаже, изначально застекленные единообразно: квадратными стеклами небольших размеров с голубыми рамами между ними. Кое-где они остались, а кто-то предпочел современный пластик. На первом этаже под такой лоджией – закуток с входной дверью, очень похожей на черный ход, тем более что ведет она в огородик,

имеющийся около каждого такого дома. Летом здесь растет какая-то полезная зелень, а возможно, даже картошка. Как интересно, наверно, выходить из такой двери не в бетонный подъезд с мусоропроводом и почтовыми ящиками, а в благоухающее утренней свежестью буйство цветов! Как интересно вскапывать прохладную, рассыпающуюся под лопатой землю и опускать в лунки нежно-зеленую рассаду! Как здорово по вечерам сидеть на скамеечках, а то и просто на старых, вынесенных за ненадобностью в огород стульях и вести неторопливую беседу с соседями, с которыми в такие минуты находишь так много общего в мировосприятии! И как мило смотрится в этом огороде старая школьная парта с металлическими подставками для ног! Когда-то на ней было раскрыто столько скобок и расставлено столько запятых, а теперь она служит опорой для каких-то бочек и ящиков для рассады. И вообще в этих огородиках столько старых интересных вещей, что глаза разбегаются! Тут и стремянки какие-то, и старые козлы, видимо забытые после побелки стен, тумбы, ванны, бочки, цветочные горшки, а около одного дома, в садовой беседке, сколоченной из всего, что подвернулось в тот момент под руку, стоит на столике старенький проводной телефонный аппарат! Поистине, чудо чудное, диво дивное: кому по нему звонят? С кем связываются жители? Уж не с той ли Бабой-ягой, которая полетывает на своей ступе в деревянном микрорайоне на Учебной? Мол, всё в порядке, принеси нам еще семян мальвы: уж больно красиво цвели они в том году. И побежит, брезгливо поджимая лапки на мокром асфальте, Кот ученый с полотняным мешочком семян в зубах, осторожно, стараясь не встретиться с местными котами: побьют еще, чего доброго.

Вообще коты на задворках – отдельная тема. Матерые, brutальные, все как один боевые, часто с отмороженными ушками или кончиком хвоста и шрамами на круп-

ных мордах, они свято выполняют свою миссию по охране собственной территории и чужого в свой заросший лилиями и георгинами двор не пустят никогда. Есть у них некое «задворочное братство», прекрасен, неразделим и вечен их союз на облезшей деревянной скамейке, а то и прямо посреди клумбы, в зарослях мальв и лопухов. Их жизнь не легка, кто-то из них имеет постоянную прописку в старых домах и гулять ходит исключительно из любви к свободе, а некоторые просто бродячие, бездомные. Им приходится голодать и мерзнуть, но они не променяют свою вольную жизнь на сытую, диванную – ту, которую они втайне презируют, считая ее мещанской, обывательской. И если купить им в ближайшем магазине сосиску или кусок колбасы, они не набросятся на угощение, а с достоинством усядутся на крышку колодца или картонку и осторожно, едва прикасаясь мордочкой, встряхивая усами, съедят предложенное.

В этом уголке Омска летом много цветов, посаженных не абы как, а достаточно гармонично, со вкусом. Растут они в палисадниках и на клумбах посреди дворов. Что еще здесь встречается довольно часто, так это мягкие игрушки, рассаженные на клумбах или приколотенные к веткам деревьев. Подобное я видела и в других районах города; особенно много таких игрушек на Спортивном проезде, но там из них создаются причудливые и интересные композиции с привлечением природного ландшафта, а здесь эти бедные собачки и мишки натыканы в клумбы хаотично, почти сразу же они теряют вид из-за дождей и снега, линяют, выцветают, блекнут. Вытаявшие по весне из-под обильного снега, они напоминают узников концлагеря и никаких положительных эмоций не вызывают. Так и кажется, что по ночам они оживают, покидают свои места и что-то замышляют. Часто хочется забрать их домой, постирать, причесать, пришить недостающие пуговицы или даже лапки.

Из позитивного в этом райончике могу отметить своеобразные «уголки медитации», создаваемые местными жителями. Это стулья, табуретки, скамейки, вынесенные на улицу (однажды на Богдана Хмельницкого я увидела диван, стоящий около подъезда!) и служащие для вечерних размышлений либо о Божием величии, либо о смысле жизни. Во дворике дома по адресу 9-я Линия, 144 стоят несколько деревянных кресел, обитых кожей и скрепленных воедино, — своеобразный зрительный зал. Какая оригинальная мысль, какая простая, но в то же время вечная истина! Зачем создавать искусственную реальность, пресловутый постмодернистский симулякр, если самый интересный фильм — это и есть сама жизнь во всех ее проявлениях?! Неужели не замечательно понаблюдать, как майский жук тащит по земле какую-то щепку, вероятно жизненно ему необходимую? Или как толстый шмель с трудом втискивается в полураскрывшееся блюдечко мальвы? Или как гаснет день за крышами двухэтажных домиков? В одном мгновенье видеть вечность, огромный мир в зерне песка — бесценный дар, которым, увы, пользуется далеко не каждый горожанин, замотанный повседневными заботами, тащащий фирменные пакеты из супермаркета и годами не поднимающий взгляд к небу.

Что ж, пожалуй, вот и всё об этой удивительной части Омска. Наступает тот час, когда день еще не угас, но вечер уже начался и в воздухе разливается синева. Уходят в свои квартиры или теплые подвалы коты, закрываются цветы на клумбах, а от скамеек, заборов, непонятного назначения жердей тянутся длинные фиолетовые тени. Мир и покой на Земле, мир и покой в маленьком уютном районе города. А утром, как прежде, горит восток зарею новой и планета летит по заданной траектории. Как холодно, росисто и как хорошо жить на свете, особенно на задворках!

Продолжение Линий, Транспортные, Богдана Хмельницкого

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек...

Ф. И. Тютчев

Этот уголок города для меня начинается с остановки общественного транспорта «Улица Лизы Чайкиной». Как раз оттуда, где по выходным располагается так называемый «блошиный рынок» (речь о нем пойдет в следующей главе). Здесь, как и везде по Богдана Хмельницкого, много кирпичных двухэтажек, оштукатуренных и неотделанных, с печными трубами на крышах, с белой лепниной вокруг высоких окон. Здесь хорошо бродить морозным закатным вечером, когда в воздухе разлито неуловимое свечение, а снег под ногами скрипит, как антоновские яблоки при откусывании. Как вольно дышится в родном краю, как весело шагается по сугробам!

Углубимся немного во дворики: здесь интереснее, чем просто идти по центральной магистрали. И вот уже мы видим один из архитектурных шедевров уходящей эпохи – двухэтажный деревянный дом (9-я Линия, 191). Каким чудом он остался жив? На нем нет даже таблички с информацией о предстоящем расселении. Наверно, про него просто

забыли: ведь он здесь один такой среди более крепких кирпичных сотоварищей. Словно в насмешку, фасадом он смотрит на две многоэтажные башни-высотки с оригинальным дизайном крыши: на них как будто надеты зеленые шапочки. Эти два дома значительно выше всех остальных в этом микрорайоне и видны отовсюду издалека. Рядом с ними деревянный домишко выглядит жалко, но он не сдается! Бревна, из которых он построен, еще крепкие, хотя и потемневшие от времени, чердачное окошко забито досками, видимо, для утепления подъезда, на крыше, помимо полуразвалившихся кирпичных труб, видны телевизионные антенны. И эдакой архитектурной изюминкой смотрятся две крошечные лоджии на втором этаже. Возможно, дни этого домика сочтены, так как район этот весьма престижный, новостроек здесь немало. Тем более ценен он, как аленький цветочек среди зеленой травы.

А вот приземистые, плотные, похожие на боровички кирпичные двухэтажки, которые выстроились в линию на пестрой поляне города. Они еще ого-го сколько простоят! Городские власти позаботились о них: кое-какие дома оштукатурены заново, кое-где отремонтированы крыши. К примеру, дом по адресу 8-я Линия, 166 так и вовсе поменял свой цвет! Много лет он был насыщенно-зеленым, изумрудного, мохового какого-то цвета, а нынче, когда я навестила его в начале декабря 2017-го, его стены пламенели пронзительно-оранжевым оттенком! И грустно, и трогательно одновременно. Дом помолодел, посвежел, но, увы, утратил былую прелесть! Темно-зеленым, в проплешинах облетевшей штукатурки, он был милее моему сердцу! Сейчас он словно с недоумением прислушивается к себе, пытается понять: каким он стал, в каком цвете ему лучше? Рядом стоящий дом (8-я Линия, 168) по-прежнему изначально розов, потерт, шершав и выглядит более привычно. Скорее

всего, реставрации подлежит и он, и далее стоящие соседние домики, которые также утратят свой первоначальный облик. Ну что ж, время идет вперед, и нам надо принять это как данность. Всё на свете имеет свой век, всё умирает, так пусть хотя бы что-то остается в памяти горожан, вписывается в историю города разноцветными чернилами свежоштукатуренных стен.

В этом районе много домов, построенных примерно в 1950-е, а то и раньше, поэтому во дворах можно встретить приметы быта тех годов, совершить путешествие в исчезнувшую эпоху без всякой машины времени. Узенькие окошки в ванной комнате – разве не чудо? Дополнительная вентиляция, ведь наверняка встроенной в те годы еще не было. Правда, многие не оценили такого дизайнерского решения и на первых этажах либо и вовсе заложили кирпичами эти окошки, либо уменьшили их до размера бойницы. Кое-кто вставил туда матовое стекло, кто-то – цветной витраж. А как интересно, наверно, было бы, помывшись зимой, из горячей банной атмосферы ванной комнаты приоткрыть окошко на заснеженную улицу, сделать глоток колючего январского воздуха!

Во многих кирпичных домах сохранились деревянные лестницы на второй этаж. Моя мама до семи лет жила в таком доме. Он жив и по сей день – по адресу 6-я Линия, 171. Конечно, за полвека многое в нем изменилось, не говоря даже о кровле и пластиковых окнах. Отопление с печного поменялось на центральное, проводка убрана в стены, подъездная дверь украсилась кодовым замком или домофоном. Но сама архитектура и энергетика дома сохранились, равно как и маленький уютный дворик, в котором равнодушные жильцы в свое время устраивали для детей различные мероприятия, а по вечерам стучали костяшками домино под раскидистым тополем. Недалеко от этого дома до сих пор

работает общественная баня (ныне МУП «Банное хозяйство № 20», 1-я Транспортная, 1А), вход в которую декорирован по-советски монументальными гипсовыми шарами: на них свободно могут уместиться несколько человек. Кто, интересно, сейчас в нее ходит? Ведь частного сектора здесь нет, а кирпичные дома оборудованы водопроводом. Уж не Баба ли яга с Домовым, с ворчанием опрокидывающим на себя шайку с горячей водой, и Котом ученым, брезгливо стряхивающим с усов мыльную пену?

В этом районе вообще немало примет ушедшей эпохи, в частности крупный продуктовый магазин на подходе к остановке «ДК имени Баранова», который по непонятной причине не стал супермаркетом, а сохранил советскую планировку и бело-голубую плитку на стенах, без всякого ковра-самолета уносящую покупателей в эпоху фруктовых соков в розлив и пачек чая на прилавках. Ближе к Кирова, в начале Рабочих, около магазина «Стопка» стоит железная конструкция вроде остова для новогодней елки, парадоксально не используемая даже зимой. А на остановке трамвая «Улица Лизы Чайкиной» в советские времена уносит плиточная дорожка, сквозь щели которой проросла коротенькая травка. Через кисею годов слышится стук веревочной скакалки по залитому солнцем асфальту и легкий топот детских ножек, обутых в твердые сандалики на негнущейся подошве. А вот в одном из дворики на 4-й Транспортной к подъезду вынесена непонятная конструкция вроде дамского туалетного столика с овальной прорезью посередине. Что это? Старый умывальник, вода в который наливалась еще в мраморную чашу? Тот самый, который выходил из маминой из спальни? Или всё же стол для швейной машинки, как разъяснили пользователи соцсетей, когда я предложила эту фотографию для обсуждения? Скорее, второе, так как есть там и полочки для швейных принадлеж-

ностей, и место для ножной педали. Он отслужил свое, на смену ему пришла легкая многофункциональная электрическая машинка, и отныне судьба его либо мокнуть под дождями, либо вообще превратиться в грудку щепок и сгореть в круговороте времени.

А что означает эта фраза, намалеванная белой краской на торце одного из старых кирпичных домов на 4-й Транспортной – «У домов есть глаза»? Конечно, есть, кто бы сомневался. И душа есть. Поэтому так жаль, когда дома ломают. Поэтому и написана эта книга.

Что радует в этом райончике, так это креатив местных жителей в плане украшения палисадников. Шины представлены здесь во всем многообразии всех мыслимых и немыслимых форм. Это и клумбы, и диск солнышка (лучи – пластиковые бутылки), и лебеди, изогнувшие шеи, и морда львенка – в общем, насколько позволяет фантазия неравнодушных омичей! Встречала я во дворах и деревянные мельницы, и горки с аистами наверху, и гирлянды тряпичных флажков, натянутые над клумбами. Летом палисадники радуют пышным разнообразием цветов, а в конце мая на землю сыплется нежное кружево облетающих лепестков сирени – белоснежных, кремовых, розоватых, цвета теплых весенних сумерек. И нежатся в этом лепестковом великолепии местные коты, с удовольствием греющиеся на теплой, подсохшей после растаявшего снега земле.

Мне часто снятся старые дома. Коридоры, двери, комнаты. Дощатый пол, черно-белый телевизор, разошедшийся шкаф, кухонный стол, в ящиках которого хранится ненужная, но такая ценная утварь! Вид из окна маленькой спальни на реку, ромашки под окном, множество каких-то потайных чуланчиков, внезапно обнаруживающихся, когда идешь по общему коридору. Деревянные лестницы, широкие, нестандартно спланированные лестничные площадки с закоулками,

часто уже заброшенные, готовящиеся к сносу, но почему-то доступные для посещения. Резные наличники окон, темное, почти черное дерево бревен, из которых построены стены, зимний день на задворках. Почему-то во сне чувствуешь себя в таких местах таким счастливым, каким не удастся себя почувствовать наяву никогда. Почему же? Что есть в этих домах такого? Я практически никогда не бывала внутри старых домов, составляя о них впечатление лишь по внешнему их облику. Почему же так манят они, заставляют думать о себе, бродить около них, размышляя о сущности бытия? И снова нет ответа на эти риторические, по сути, вопросы. Да и нужен ли он? Какая разница, почему мне нравятся эти дома? Важно только, что любовь к задворкам — одна из неотъемлемых частей моей души, с которой мне не хочется расставаться ни при каких обстоятельствах.

Бульварная, Ипподромная, Ермака, 1905-го года, снова Линии

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

А. А. Ахматова

Я как будто постоянно возвращаюсь в одну точку, из которой улицы расходятся лучами в разные стороны. Что ж, видимо, этот район наиболее изобилует задворками, достойными того, чтобы стать увековеченными. Вновь остановка «Улица Лизы Чайкиной», только на этот раз мы пойдем вглубь, к центру города, по направлению к проспекту Маркса – на запад, туда, где в вечерний час можно увидеть в тихом небе закатный огонь. Пришла пора воспеть блошиный рынок, раскидывающийся здесь в выходные в теплое время года.

Он начинается почти на самой остановке: между ржавыми столбами, подпирающими крышу павильона, предприимчивые торговцы умудряются натянуть веревки, на которых растягивают бесформенные кофты и поросячьего цвета кальсоны, непонятно кому и зачем в таком состоянии нужные. На большие куски картона или листы газеты, положенные прямо на асфальт, а то и на землю, выкладываются настоящие богатства: ложки и блюда советской эпохи (мы с мамой как-то раз купили штук пять или шесть таких

блюдечек и пользуемся ими до сих пор), старые игрушки, не попавшие пока на клумбу (куклы с всклокоченными седыми волосами и провалившимися, уже не открывающимися глазами, пластмассовые пупсы в ванночках, в предсмертной истоме прижавшие к тельцу ручки и ножки, мягкие зайцы и волки, грязные, но некогда стиранные, поэтому приобретшие неопределенный бурый цвет, и многое другое). Во всем этом круговороте бесценного барахла вдруг мелькнет фарфоровый ролик для электропроводки, какие-то подшипники, розетки, выключатели, насадки на водопроводные краны, шланги – та необходимая мелочишка, которую не всегда легко отыскать в крупных строительных магазинах. Помимо блюдец, можно купить старую советскую посуду – кружки и чашки с цветочками, суповые тарелки, даже граненые стаканы. Почему-то много явно ношенной одежды: курток, брюк и джинсов, каких-то китчевых блузок «прощай, молодость!», иногда продают обувь, аккуратно пристраивая ее на кусочек картона.

Отдельная тема – книги. Как старые, изданные в советское время, никому не интересные и не нужные («Что делать?», «Тупейный художник», «Пятьдесят лет в строю» и тому подобные), так и относительно новые, бывшие популярными в девяностые годы, нечто вроде любовных романов про замирающую от тоски грудь и торопливый шепот в ночной беседке. Много детских книг предлагают, вот их я нередко листала и даже что-то купила (З. Александрова «Пятеро из одной звездочки», помнится). Какие-то из этих книг были у меня в детстве, а потом их поглотила река времен, но в памяти они остались. Вот поэтому я и покупаю их, чтобы окунуться не только в атмосферу детства, но и в саму книгу, в те ассоциации, которые она вызывала когда-то. Старые книги я люблю, никакие современные репринты их не заменят.

Иногда на блошином рынке продают даже видеокассеты – те самые прямоугольные пластмассовые коробки с двумя бобинами, на которые наматывалась коричневая видеопленка. Зарубежные фильмы, популярные в девяностые, сериалы, телепередачи, записанные, по-моему, непосредственно во время их трансляции какими-то домашними умельцами на свой видеомагнитофон («видик», «видак» – сразу всплывает в памяти, современные дети даже не знают таких слов!). Кому они интересны сейчас, кто будет их смотреть в наш-то век высокоскоростного Интернета и избытка разнообразного видео?

А еще стоит сказать об игрушках из «Киндер-сюрпризов», они тоже в изобилии там продавались, особенно в начале 2000-х. Сейчас, на мой взгляд, интерес к ним угас, а тогда на картонных листах, расставленные по росту и ранжиру, покупателям предлагались многочисленные фигурки из разных коллекций: львята, дельфинчики, черепашки-ниндзя, машинки, человечки и прочее. Причем стоимость их была разная в зависимости от редкости и ценности игрушки, некоторые из них оценивались в значительную сумму. В свое время я прилично пополнила там свою коллекцию таких игрушечек.

Нередко по воскресеньям блошинный рынок располагается не только по обеим сторонам узенькой Бульварной улочки, ведущей к Птичьему (Хитрому) рынку, но и выплывает за ее пределы, располагаясь на земле вдоль нескольких Линий. И пока он существует, до тех пор будут бродить по нему покупатели с колотящимся сердцем в надежде найти здесь нечто ценное, долго и безуспешно разыскиваемое: какой-нибудь драгоценный камень, бриллиант, золотую вещицу, скрытую под грудями старого тряпья. Такого, что продается здесь, не найдешь в гипермаркетах и мегамоллах – стеклянных, дочиста вылизанных, сверкающих

тысячами огней. Самое нужное и ценное ищите на задворках, в пыли, на куске картона, на скомканной газете, на полуистлевшей веревке.

Блошиный рынок далее переходит в Хитрый, раскинувшийся до улицы Ипподромной. Здесь тоже немало непонятого назначения барахла. Внутри огромного крытого павильона располагается бесчисленное множество магазинчиков — как правило, торгующих зоотоварами или антиквариатом. Здесь много советских значков и почему-то статуэток, причем явно не новых, бывших в употреблении, захватанных пальцами и не протертых. Много советской посуды, как стеклянной и фарфоровой, так и металлической: стопки для водки, ложки, подстаканники. Много магазинчиков с аксессуарами для аквариумистики, рыбалки, охоты.

Когда-то в детстве я очень любила сюда приходить, чтобы хоть посмотреть на продающихся котят и щенков, копошащихся в больших коробках или смиренно сидящих на руках у продавцов. Для меня каждый такой визит был как праздник, во всяком случае в памяти остались именно такие ощущения. Сейчас мне их всех жалко, поэтому, случись мне бывать здесь, я стараюсь не рассматривать этих бедолаг. На самом рынке продаются более необычные животные: черепашки, хомячки, кролики, морские свинки, птиц много — в основном попугайчиков и канареек. А иногда вообще можно увидеть цыплят, непрерывно, но не раздражающе пищащих, а в багажниках машин или в клетках попадают взрослые куры и даже поросята! В самом конце рынка есть павильон, торгующий кормом для домашнего скота, около него свалены прямоугольные тюки сена, сформированные явно с помощью железных сеток, вызывающих ассоциации с мультфильмом «Ну, погоди!». Призывно бросается в глаза плакат с надписью «Червь, мотыль, опарыш», наклеенный на старый облупленный прилавок, перекочевавший на

рынок из прежних времен. Помимо животных, здесь продается множество железяк разного назначения: от деталей автомобиля до многокилограммовых гирь (кто их раскладывает ежедневно на земле, что за сказочный атлет?). Популярна торговля из багажников автомобилей, которая сопровождается негромко доносящимся из магнитол хрипловатым голосом очередного русского шансонье. В воздухе пахнет приближающейся весной, горячим шашлыком из дешевой грязной уличной кафешки и какой-то странной, тревожной, невероятной для этого хронотопа гармонией мироздания.

Но не только это привлекает меня здесь. Сама улица Бульварная очень интересна. С одной стороны она застроена двухэтажными кирпичными домами (32, 40А, 42А, к примеру), весьма схожими по архитектуре, но в чем-то разноплановыми. Отличаются они расположением подъездов (у каких-то домов они сбоку, со стороны двора, а в какие-то дома жильцы входят прямо с улицы Бульварной, и летом блошинный рынок бурлит прямо у них под окнами. Хорошо, что это только по выходным). Из общего у этих домиков маленькие железные лесенки, ведущие к газовым кранам на уровне второго этажа. Лесенки эти заканчиваются крошечными железными площадочками для мастера-газовщика. Я видела такие лесенки на некоторых других домах и каждый раз хотела на них подняться – просто так, чтобы посмотреть с них вниз. Доступ на них никак не ограничен.

С другой стороны на Бульварной только частные дома весьма разного «социального статуса»: от покосившихся, почти вросших в землю окнами с деревянными ставнями и железными болтами до претенциозных коттеджей, спрятавшихся за высокими заборами и причудливой ковки воротами. Перпендикулярно Бульварной ровными стрелами на север и юг уходят Линии, полностью застроенные частными домами – с кучами золы, дымящимися на подтаявшем

снегу, с кубиками поленниц, самодельными качелями и ворчащими собаками. Бродить по Линиям не очень приятно: в теплое время года здесь почти всегда непролазная грязь, да и густой лай, звучащий за наглухо закрытыми калитками, тоже гостеприимства этим местам не прибавляет.

Ближе к началу улицы расположено несколько девятиэтажных малосемеек (Бульварная, 11, 13). Здесь тоже своя, особая энергетика. Как ни странно, я хотела бы здесь жить. Нет, не в самой малосемейке, конечно. Но вокруг есть и обычные высотки, а в последнее десятилетие появилось несколько полуэлитных кирпичных пятиэтажек, как, например, 4-я Линия, 191А. Этот красно-серый домик с большими лоджиями и крохотными полукруглыми балкончиками на торцах смотрится как расписной теремок среди высоких темных деревьев в волшебном лесу. А малосемейки почему-то напоминают большие многоэтажные корабли, разрезающие бесконечный простор голубого неба, будто океанскую гладь. Сходство усиливается благодаря болтающемуся на уровне седьмого этажа громадному покрывалу, которое жильцы, вероятно, вывесили на просушку. Оно полощется на ветру, как парус, надуваемый ледяным нордом, и указывает направление к чему-то невероятно далекому, но прекрасному.

Но перейдем на улочку Ермака. Она маленькая и почти вся представлена старыми, уходящими в небытие деревянными домами, похожими на избушки Бабы-яги. Зимой сугробы скрывают эти дома почти полностью. Над домишками возвышаются девятиэтажные дома с разноцветными балконами, с которых, наверно, видна вся жизнь, протекающая во дворах частного сектора. Та же картина – на параллельной улочке 1905-го года. Кто-то, едва запахнув пальтишко, катит на специальной тележке большую флягу с водой от ближайшей колонки (благословим водопроводы

и отопление – как жить-то без них?!), кто-то расчищает от выпавшего за ночь снега подход к своей калитке, кто-то рубит дрова, и треск расколотых промерзших поленьев эхом ложится на ближайшие дворы. В этом есть, конечно, своя прелесть, но частные дома я не так люблю, как старенькие двухэтажные, собственно и составляющие объект воспевания в этой книге.

Ближе к улице Декабристов расположено несколько общежитий. Ранее они были какие-нибудь ведомственные, а теперь в них живут обычные люди, не могущие позволить себе благоустроенную квартиру. Здания эти какого-то белевого оттенка и оригинальной архитектуры, в большинстве своем квадратные. Контрастируют с ними четыре высотки, построенные примерно в 2006–2007 годах и составляющие единый ансамбль – Декабристов, 114, 114/1, 116, 116/1. Помимо квартир, в них на первых этажах множество всевозможных магазинчиков и организаций, предназначенных в основном для людей с большим достатком. Окна этих домов, обращенные на запад, выходят на Экоцентр. Когда-то я мечтала жить в этих домах. Странно, почему же для меня эти новостройки элитного класса органично входят в понятие «задворки»?

Ну вот, почти и закончилось путешествие по этому району Омска. Осталось только перейти улицу Жукова (переход здесь нерегулируемый и довольно опасный: машины несутся стремительной лавиной и тормозят уже перед самой «зеброй») и по деревянному настилу обойти какую-то полузамороженную стройку. Что это за объект – не знаю. Начало строительства всплывает в моей памяти еще в 2010 году, во всяком случае ядовито-оранжевый забор вокруг бывшего здесь некогда клочка земли с кривыми кленами уже стоял. Планировалась то ли гостиница, то ли торгово-офисный центр, но здание до сих пор не достроено,

и куски арматуры врезаются в предвечернее небо, как готические башни. За этим забором – трамвайная остановка «Юнгородок» – еще один милый сердцу отголосок советской эпохи («Экоцентр» звучит, на мой взгляд, хуже), а далее до улицы Пушкина – маленький, но уютный квартал кирпичных «хрущевок» и двухэтажных домиков, о которых тоже можно говорить много и долго. А от него – рукой подать до тех деревянных двухэтажек по Пушкина, речь о которых шла в первой главе.

Задворки всюду, задворки везде, они переплетены между собой и пронизывают город, как кровеносные сосуды – может мелкие и незаметные, но жизненно необходимые. Без них сердце города остановится.

Карбышева, Избышева, Вокзальная, Академика Павлова

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья –
Жизнь отошла. – И, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья
Здесь человек лишь снится сам себе.

Ф. И. Тютчев

Совершенно сказочный, необычный, чудесный уголок города! Автономный настолько, что даже время здесь течет по-другому. Здесь всё свое: магазины, больница, управляющая компания, парикмахерские, учебные заведения. Даже маршрутки, выныривая из-под виадука на Маркса, словно удивляются, что попали в какой-то шумный круговорот, разительно отличающийся от тамошнего неспешного ритма жизни, и обалдело мигают фарами.

Во-первых, сам путь в этот район словно проходит через какой-то портал – виадук. Собственно, неправильно я его называю: никакой не виадук, а, наоборот, тоннель под железнодорожными путями, но почему-то в сознании укоренилось именно такое понятие. Всё, что связано с железной дорогой, вызывает у меня пламенную любовь, ностальгическую тоску по путешествиям и желание петь всему этому бесконечные дифирамбы (в планах – серия очерков на тему «Ода плацкартному вагону и железной дороге в целом»). Когда попадаешь сюда впервые, чувствуешь себя

Гарри Поттером, отправляющимся с Кингс-Кросса в Хогвартс: как найти ту самую платформу 9 и $\frac{3}{4}$, как преодолеть барьер между миром магглов и магическим? Но как только разберешься и нырнешь в тот самый тоннель, с замиранием сердца чувствуя грохот проезжающих над головой поездов, а потом окажешься в совершенно иной реальности, с облегчением оглядываешься по сторонам и видишь приближающийся в клубах пара «Хогвартс экспресс», семафоры, пакгаузы, кружево проводов, сходящиеся в одной точке рельсы – в общем, всю эту бесконечно прекрасную, манящую за собой с невероятной силой железнодорожную романтику. Полцарства за путешествие в грязном, трясущемся, мотающемся на стыках плацкартном вагоне!

Здесь и объявления какие-то другие – не такие, как в «большом» городе. «Баня, бильярд», «Гостиница от 200 р. в сутки», «Хостел эконо-класса» – как будто на всем этом лежит печать какой-то маргинально-шальной удачи. Старая, заброшенная водонапорная башня в контрасте с нарядной девятиэтажной новостройкой на Карбышева, 6 вызывает очередные ассоциации с порталом в Хогвартс – как будто, скользнув в ее темную глубину, окажешься в мрачных подземельях профессора зельеварения Северуса Снейпа (хотя то, что лежит внутри этой башни на самом деле, думаю, в разы интереснее). Улочки маленькие, уютные, с обеих сторон застроены либо моими любимыми двухэтажками (на каждой аккуратная синяя табличка с номером дома и надписью, что его обслуживает ООО УК «Сентябрь»), либо нестандартными пятиэтажками. Таких я не видела больше ни в одном районе города: они построены либо из крупного серого кирпича, либо из каких-то странных прямоугольных панельных плит.

Сибирский профессиональный колледж на Избышева, 3 смотрится здесь очень органично и даже уютно (есть осо-

бый уют в некоторых учебных заведениях). Вереница студентов, возвращающихся с учебы февральским закатным вечером, придает этому району особую прелесть. Окрестные дворики, как всегда в таких местах, наполнены запустением и поэзией. Вот, к примеру, маленькая оранжевая двухэтажка по адресу Вокзальная, 2, притулившаяся одним боком к большому серому дому. Деревянные двери в подъезд без домофона и замка – почти атавизм ныне. Стая топчущихся по снегу голубей, поглядывающих на прохожих в расчете на крошки или крупу. Трогательные тонкоствольные березки у фасада. Проглядывающая из-под сегодняшней оранжевости темно-зеленая краска. Большие окна, выпускающие в комнаты много света и тепла, старый фонарь над входом в подъезд. Что в этом такого? Обычный пейзаж задворок. Но в его жизни столько поэзии слито, сколько не встретишь на шумных проспектах. Поэтому и тянет меня сюда, пусть мерзнут руки, держащие фотоаппарат, пусть неудобно пробираться сквозь глубокие сугробы во двориках.

А напротив – жилой дом по адресу Вокзальная, 1. Совершенно уникальный: четырехэтажный, серо-коричневый, с трехстворчатыми окнами, оригинальной архитектуры балкончиками и лепниной под крышей. Как сообщили пользователи соцсетей, он был построен в 1934–1935 годах для комсостава ПВРЗ (паровозовагоноремонтного завода). Это ли не чудо, что он и поныне крепок и прочен? Вот бы одним глазком заглянуть внутрь!

Дома по улочке Вокзальной старые, но еще вполне крепкие. Во дворах встречаются интересные штуковинки: то гипсовый рыцарь, то припорошенные снегом мягкие игрушки поистине слонopotамских размеров, то слепленная из снега собачонка, почему-то почти уткнувшаяся мордой в стену дома. А в одном из двориков, ближе к улочке Академика Павлова, местная ребятня соорудила из снега настоящую

домушку-зимовьюшку. Внутри нее набросаны картонки и лежит даже ветхий матрас – залезай внутрь, усталый путник, отдыхай и пытайся обогреться!

А вот снова избушка Бабы-яги: деревянное строение непонятого назначения, до того темное и просевшее, что входить в него уже опасно. На скатах ее крыши висят хрустальные сосульки, плачущие прозрачными каплями под зимним солнцем и напоминающие, что скоро весна.

И вдруг вновь советский атавизм – баня № 14 (Вокзальная, 8/1)! Приземистое одноэтажное строение во дворе одного из жилых домов. От него на расстоянии пахнет березовым веником, чистым, проглаженным бельем и распаренной древесиной. Хотя, скорее всего, это мне только кажется. На самом деле воздух пахнет крепким зимним холодком и – неуловимо – приближающейся весной. Снова встречаю сарайчики для хозяйственной утвари (как много их в Омске!). Здесь они старые, покосившиеся, но используемые, а на торце одного из них натянут баннер с рекламой модного мебельного салона. Просто оксюморон какой-то!

Крошечные палисаднички на два цветка, узенькие тропинки, двухэтажные домики, сарайчики, окошечки, – здесь не столько уменьшительные, сколько ласкательные суффиксы. Здесь всё милое, уютное, родное, русское, омское. Улочка Гризодубовой изобилует добротными частными домами посреди кирпичных пяти- и двухэтажек. Эдакий сельский уголок на задворках. Летом около некоторых из них (Гризодубовой, 17 – деревянный дом на двух хозяев, некий дуплекс на русский лад) красными бусами пламенеет смородина и шуршат листья клена, образующие тенистый шатер. Обвивший забор плющ и поросшая мхом черепичная крыша вызывают ассоциации с дачным домиком, по непонятной причине попавшим в круговерть города.

Улица Академика Павлова прилегает почти вплотную к железной дороге. О, как сладко, наверно, звучат тревожные паровозные гудки, слышимые в этих домах постоянно! Стук колес, затихающий где-то вдали, вызывает непреодолимое желание бросить всё и мысленно мчаться вслед за поездом – неважно куда, неважно зачем, главное – вдыхать пахнувший углем и мазутом воздух, смотреть на несущиеся за окнами деревья и столбы, ощущать тряску вагона. Одним словом, испытывать счастье, рождающееся только в этом хронотопе. Здесь есть свой теремок – Академика Павлова, 15. Деревянный двухэтажный домик с совершенно уникальными, не виденными мною нигде более крошечными окошечками по бокам. Я не знаю, выходят ли они на лестничные площадки, или, может, это окошки в ванной, хотя второе менее вероятно. Доски на стенах дома расположены под разным углом: то примитивно прямо, то «елочкой», отчего возникает дополнительно ощущение нарядности. Цвет непонятный: какой-то голубо-сериозно-зеленый, как будто вылинявший от непогод. Около домика стоит совершенно сказочный столб, словно предлагающий сделать решающий выбор: пойти ли прямо, налево или направо. А какая разница? Здесь всюду прекрасно, и каждое выбранное направление таит много приятных открытий. Козырек над подъездом украшен деревянной резьбой – видно, что строили дом не абы как, лишь бы крыша над головой, а продуманно красиво.

Рядом с этим теремком – нечто непонятное, эклектичное, но симпатичное. Одноэтажный дом на нескольких хозяев – Академика Павлова, 13. Он не только выкрашен в разные цвета, но и представлен различными материалами: от кирпича до деревянных досок, как будто несколько художников рисовали отдельные части тела человека, а потом попытались сложить общую картинку.

Сама эта улица какая-то уютная, узенькая, обсаженная лиственницами. То тут, то там расположены какие-то учреждения, напрямую связанные с РЖД, – красно-серые здания с характерным логотипом. От этого здесь особенно приятно гулять. Близость железнодорожного вокзала тоже интересна: нигде более в городе нет подобной энергетики. На подходе к надземному тоннелю над рельсами расположено нечто вроде мини-рынка, где торгуют товарами, которые не встретишь в обычных супермаркетах. Здесь и мороженая рыба, аккуратно разложенная на картонках, и замороженная клюква в банках, и горячие беляши, уложенные в большие железные баки, и вязанные из колючей на вид шерсти носки и рукавицы. Хлебные киоски, маленькие продуктовые магазинчики, в которых еще стоят терминалы по оплате услуг, уже почти канувшие в небытие. Шашлык и шаурма – не без этого. Много маленьких гостиниц, рассчитанных на разный карман. Одним словом, уютный, замкнутый мирок, куда хочется возвращаться.

Перейти железнодорожные пути можно в нескольких местах. Можно по крытому виадуку около пригородного вокзала, где все указатели переведены на английский. Здесь даже лифт есть, а рельсы и поезда видны через стекло. Но мне больше нравится второй вариант. Если пройти чуть дальше, мимо скрытого за забором учебно-тренировочного полигона железнодорожного техникума, имитирующего участок дороги с настоящими вагонами, то можно подняться на открытый виадук – длинный, прямой, как стрела, выложенный плиткой. Отсюда открывается великолепный вид на рельсы и поезда, хочется наблюдать за жизнью железной дороги часами. Стоишь на ветру, слушаешь искаженный динамиком голос дежурного по вокзалу, объявляющий прибытие поездов или какую-нибудь иную информацию, смотришь сверху на мелькание вагонов, переплетение рельсов,

семафоры, сигнальные огни, пассажиров, приезжающих домой или отправляющихся в дальний путь, – и от всего этого ощущаешь такое счастье, такую гармонию мироздания! Зачем искать ее на островах с кокосовыми пальмами, пестрыми попугаями и проплывающими мимо каравеллами, если вот она, здесь, на железнодорожном вокзале родного города? Почему-то в голове вертятся строчки из бунинского «Кавказа»: «Поезд расходился, мотаясь, качаясь, потом стал нести ровно, на всех парах...»¹. Душа мысленно устремляется вслед за поездом – к чему-то невероятно далекому, но прекрасному. С этого виадука видна еще одна водонапорная башня – поменьше уже виденной на Карбышева, вроде не заброшенная, с целыми стеклами в окошках, даже с архитектурными изысками. Привет из прошлого или очередной волшебный атрибут с тайной символикой?

Железная дорога со всеми ее составляющими и скрытыми смыслами достойна отдельного очерка. Аллюзии и реминисценции со всевозможными культурными знаками, возникающие здесь, просятся на бумагу каждый раз, когда бываешь на вокзале. Путешествия – одно из величайших удовольствий в жизни. Несчастен тот, кто этого не понимает.

Но нам пора. Спустившись с виадука, оказываемся на площади перед вокзалом, заставленной машинами и различного назначения киосками, возникшими здесь в девяностые годы и до сих пор действующими. Вот мы и снова в большом, привычном взгляду и слуху городе. Здесь тоже прекрасно, но это уже не задворки. Они остались там, по ту сторону железной дороги, в пришедшем из сновидений параллельном сказочном мире, засыпанные снегом, продуваемые ветрами – прекрасные, прекрасные, прекрасные!

¹ Бунин И. А. Кавказ // Бунин И. А. Темные аллеи. – Новосибирск : Зап.-сиб. кн. изд-во, 1979. – С. 9.

Котовского, Орловского, Братская, Ангарская

В мешке вещевом и заплечном
лежит в уголке, небольшой,
не слышший, как я, безупречным
тот двор с человеческой душой.

Б. Окуджава

Это совсем крошечный райончик, но тоже привлекательный, сто́ящий того, чтобы быть запечатленным. Он как будто образует равносторонний квадрат сразу за проспектом Маркса, если перейти дорогу по пешеходному переходу около остановки «Хлебозавод» и углубиться по Котовского в круговорот стареньких дворов. Здесь есть и двухэтажные домики с необычными большими лоджиями-арками, упирающимися в крышу (Котовского, 4, 8, 10, 12, к примеру). У них, как и у домов на Бульварной, с торцов находятся маленькие лесенки с площадочками для мастеров-газовщиков (иногда по этим лесенкам возвращаются в свои квартиры коты).

Соседствуют эти двухэтажки с блочными пятиэтажками; бетонные панели украшены мозаикой из мелких квадратных плиточек. В детстве я считала за счастье найти такую плиточку и присовокупить ее к уже имеющимся игрушкам — она был как талисман, что ли, символ везенья, подарок судьбы. Кроме того, здесь немало и девятиэтажек — каких-то светлых, просторных, как большие белые корабли. И весь

этот этажный разнобой удивительно гармонично уживается, никто не ущемляет права соседей. Здесь много узких тропинок, проходов, лазеек. Иногда неожиданно на задворках стандартного дома обнаруживается миленький палисадничек, на который выходят балконы с развевающимся на ветру свежестираным бельем.

Отдельного описания заслуживает любопытный домик по адресу Орловского, 6. Это белая двухэтажка с пристроенными к ней в незапамятные времена синими лоджиями. Причем интересно, что на втором этаже это обычная лоджия с разграфленными на квадраты стеклами, а вот на первом – просто пристройка из крашенных синей краской досок. Окошко в ней только на боковой стенке, узкое и темное. Что это? Тайная комната? Или просто кладовка? Попасть внутрь и поближе рассмотреть всё это – желание непреодолимое для меня, но и неосуществимое. В 2017 году на домике кто-то аккуратно голубой краской нарисовал плывущих лебедей – эдакий дизайнерский изыск от местного ЖЭКа. Не могу сказать, что смотрятся они плохо – нет, скорее вписались в общую атмосферу микрорайона.

Параллельно со старыми домами здесь много многофункциональных новостроек, особенно на Братской, которая тянется перпендикулярно Орловского. На первых этажах в них помещаются салоны красоты, почтовое отделение, магазинчики и даже какое-то непонятное заведение, именующееся «Хоррор-квест». Дворы этих новостроек окружены красивыми, изящнойковки заборами, сквозь такие дворы простому смертному, не живущему здесь, пройти затруднительно, приходится искать обходные пути. И одновременно с этим – старенькие, как будто уходящие в землю домики на восемь квартир, около подъездов которых стоят то ведра, то стулья – атрибуты, нечасто встречающиеся во дворах мегаполиса. Железные двери без домофона –

нет смысла устанавливать его для четырех квартир, проще спуститься и самому открыть дверь гостям. Какая то странная конструкция около пятиэтажного дома сталинской постройки – такие я встречала и на Академика Павлова. Это нечто вроде кирпичной оштукатуренной башенки с вентиляционной решеткой. Пользователи соцсетей предлагали разные варианты того, что это такое: от погреба до выхода из бомбоубежища, которое якобы расположено в подвале дома. Вполне вероятно, учитывая настроения той эпохи. Подземный ход, подвал, тайна – всё это придает притягательности этому райончику, несмотря на то что вход в это пресловутое бомбоубежище наверняка давно и наглухо заколочен. Наверное, правильно: защита от тусовок асоциальных элементов.

Во дворах много нестандартных спортивных снарядов и качелей – как старых, облезлых, так и совсем новых, футуристического вида. На каких-то из них я однажды качалась лет в пять, когда мы с мамой шли в гости и, видимо, добрались раньше назначенного времени, поэтому гуляли во дворе. Воспоминания обрывочные, но атмосфера воссоздается хорошо. Скрип качелей, солнечные блики на земле, леденец за щекой, капроновые бантики, новые сандалии, отглаженное платье – может, чего-то из этого и не было на самом деле, но память хранит это как символ какого-то чистого, младенчески-незамутненного счастья. Память, память, ты не сыщешь знака, не уверишь мир, что то был я...

Улочка Ангарская совсем маленькая, но уютная. Два объекта заслуживают внимания на ней – это двухэтажные деревянные дома, расположенные наискосок друг от друга, оба, как я узнала из социальных сетей, 1925 года постройки. Один из них – Ангарская, 9 – жилой и ныне живой. Он почти упирается задней частью в 92-й лицей. Дом бревенчатый, крепкий, добротный; ставни, наличники, доски на ска-

те под крышей выкрашены темно-зеленой краской. Козырек над подъездом причудливо-резной, напоминающий отдельную крышу сказочного теремка. Кто-то ведь живет в этом домике, платит за коммунальные услуги, создает уют, смотрит в окно, возвращается сюда с работы. Почему-то при взгляде на этот дом возникают полузабытые, деревенские какие-то ассоциации с большой беленой печкой, сенами, березовым веником, лоскутным одеялом. Кажется, что в этом доме жильцы только и делают, что греются у печки (или всё же у батареи?), читают сказки Андерсена и пьют чай из самовара, с треском разгрызая сушки с маком. А в окно робко стучится веточкой трогательная березка.

Собрату этого дома повезло куда меньше. Двухэтажный темно-зеленый дом на Ангарской, 10 уже в 2014 году был необитаем. Обветшалое полотнище с надписью: «Сдается в аренду. Продается» висит на нем до сих пор, но окна разбиты, двери заколочены, а на пустыре за ним не радуется глаз мусорная свалка. Не знаю, был ли этот дом жилым. Изначально, конечно, да (кстати, архитектура дома необычная: два зеркально расположенных крыла с длинным коридором между ними), но, по моему, в последние годы в этом здании находились мелкие организации. На крыше можно увидеть две кирпичные трубы, свидетельствующие о том, что когда-то в доме было печное отопление. Почему этот дом не сносят – не знаю. Лучше бы восстановили его как памятник архитектуры. Оставленный в полуразрушенном, беспомощном состоянии, он жалок. А ведь это своеобразная жемчужинка, кусочек мозаики, без которого общий калейдоскоп городской застройки не сложится.

На Братской и Котовского много похожих домов – оштукатуренных и выкрашенных персиковой или розовой краской, почему-то густо изрисованных мелом. Нигде более я не встречала столько стихийных граффити – от детского

всплеска эмоций в адрес противника до претенциозно-философских фраз. Здесь хочется жить. Сюда хочется возвращаться домой после рабочего дня – как, впрочем, в любой дом на задворках. Спешить в уют, в тепло, неся в сумке, помимо всего прочего, коробочку зефира в шоколаде для вечернего неспешного чаепития в кругу семьи и баночку мясного паштета с индейкой для кошки, мурлычущей в мягкой корзинке в уголке комнаты.

Снова деревянные сараи, прогнившие настолько, что становятся уже небезопасными. Замененные пластиковыми стеклопакетами старые оконные рамы, вынесенные во двор. Качели – доска, привязанная к железному каркасу толстой веревкой. Кирпичные трубы и антенны старого образца на крышах домов. Запах жарящихся на сливочном масле оладушек, доносящийся из какой-то форточки. Закатное небо с перистыми облаками и черное кружево ветвей над рассыпающимися шиферными крышами. Всё это – составляющие неповторимой атмосферы городских задворков, куда хочется возвращаться.

Снова Учебная, Бульварная, немножко Панфилова. Завершение путешествия

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утолить ненужную тревогу.

А. А. Ахматова

Этот уголок Омска начинается вновь не как задворки – на пересечении Маркса и Циолковского, в самом сердце городской суеты, шума, пыли, светофоров, огней и еще бог знает чего. Но мы пойдем вглубь – по направлению к Пушкина, мимо боковой стороны Дома печати, обсаженной унылыми, какими-то совдеповскими елками, пыльными даже в дождь. Портал в волшебный мир открывается, как всегда, внезапно, как будто кто-то невидимый произнес «Alohomora!» и взмахнул палочкой. Стоит только перебежать Пушкина в неположенном месте, напротив центра интерьера «Пирамида», – и вот он, чудесный уголок. Открывается он двумя бывшими общежитиями-девятиэтажками, архитектурно напоминающими раскрытую книгу – типичная форма для подобного рода зданий. Как ни странно, два дома, соединенные одноэтажной кирпичной пристройкой, имеют один адрес – Бульварная, 2, без литер и корпусов. Когда-то давно эти здания были под номерами 2 и 2а, но потом по какой-то причине ввели единую нумерацию квартир, что, по воспоминаниям, доставляло большие неудобства моему знакомому педиатру, обслуживавшему этот участок.

На одном из домов висит интересная штука, внешне напоминающая огромную снежинку, – это остов для иллюминации, некогда радовавшей омичей в дни Первого мая и Седьмого ноября (понятия «демонстрация», «иллюминация», «праздник» для меня с детства неразрывно связаны). Этот прецедентный культурный знак радует меня чрезвычайно – как некий привет из ушедшей эпохи, имеющий богатую символику, как «окно в бесконечность» (А. А. Блок). Какая череда воспоминаний проносится в памяти, как хочется, чтобы эта снежинка вдруг вспыхнула цветными огоньками! Может, потому ее и не сняли с фасада здания, что не у одной меня возникают подобные реминисценции?

Жизнь в этих экс-общагах несладкая, но интересная. Чего стоит только тот факт, что любую квартиру здесь отыскать весьма и весьма непросто. Мне приходилось бывать и в одном из этих зданий, и в домах аналогичной постройки, так что я знаю, сколько здесь закоулков, изгибов и разветвлений коридоров, секций, тамбуров, перегородок, тупиков! Не удивлюсь, если здесь, как в Хогвартсе, лестницы меняют направление и при входе в свою секцию надо называть пароль! С торцов девятиэтажек устроены балконы, изначально планировавшиеся как пожарные выходы, но ныне используемые как площадки для курения и сушки белья. Все девять этажей сплошь увешаны простынями и различной одеждой, что придает какой-то уют и тепло этим домам.

А рядом – еще один отголосок ушедших времен. Это стадион, который когда-то в незапамятные времена назывался «Луч», а потом, кажется, «Сатурн», как и предприятие, возникшее на закате советской эпохи на базе завода имени К. Маркса, расположенного неподалеку. Стадион, по-моему, сейчас не используется по назначению, как и снежинка-иллюминация, но ранее он действовал. Я хорошо помню, как однажды в глубоком детстве выступала на нем с танцеваль-

ным ансамблем на первомайском празднике. От прежней жизни стадиона, кстати весьма скромного по размеру, остались четыре симметрично расположенные вышки по краям – одновременно осветительные и судейские. Сейчас они пустуют и напоминают загадочные лестницы в небо. Может быть, кто-нибудь играет в квиддич на этом стадионе, пока обычные жители города заняты своими повседневными делами?

Мимо всех этих топосов идем по заброшенным рельсам. О них стоит сказать особо. Это не трамвайные пути – это именно рельсы непонятного назначения. Когда-то я задалась целью узнать, где они заканчиваются, но в полной мере мне это не удалось. Рельсы эти не действуют много лет, они частично разрушились, а зимой их почти полностью скрывает снег, и вместо них люди ходят просто по утоптанной тропинке. Что и на чем возили по этим рельсам – тайна за семью печатями, и я бы дорого отдала, чтобы узнать это. Моя знакомая где-то в 2005 году утверждала, что однажды чуть ли не в новогоднюю ночь видела пыхтящий локомотив, выехавший по этим рельсам из раскрытых ворот Дома печати. Другая знакомая какое-то время жила в одном из описанных выше зданий и периодически, хотя и нечасто, видела локомотив с платформами, который всегда шел медленно и гудел. А однажды наблюдала, как машинист разрешил ребятишкам прокатиться на паровозе, и те в восторге облепили его. Как я их понимаю! Увы, мне не удалось даже увидеть поезд, не то что прокатиться на нем.

Мне посчастливилось узнать от неравнодушных омичей, что по этим рельсам в типографию Дома печати возили бумагу, а вторая ветка вела к электротехническому заводу имени К. Маркса и в 2000-е годы еще действовала. А проложены изначально эти рельсы были от основной железнодорожной магистральной. К сожалению, лично я никогда не видела эти рельсы живыми. Свидетельством их когдашней работы являются два

семафора, до сих пор стоящие на отдельных участках, правда, с безнадежно выбитыми фонарями. Интересно место пересечения этих рельсов с трамвайными путями на Учебной – скрещенье рельс, скрещенье душ, судьбы скрещенье. Далее эти рельсы тянутся до улицы Панфилова, пересекают ее и идут почти параллельно заводу розлива минеральной воды «Омская-1». Когда-то я прошла по этим рельсам, прямо по полуистлевшим шпалам, до ворот какой-то большой фабрики, но внутрь, разумеется, попасть не смогла. Так и не раскрыта для меня до конца тайна этих узеньких непонятных рельсов. А может, по ним и ездит «Хогвартс-экспресс», просто какая-то часть железнодорожного пути вдруг стала видимой для нас, магглов? Задворки прочно хранят свои секреты, и пытаться их раскрыть – невероятно интересное занятие.

Если уж зашла речь о таинственных рельсах Омска, скажу пару слов еще о нескольких. Я не имею в виду трамвайные или обыкновенные железнодорожные пути, которые в принципе не так редко можно встретить прямо в городе. Нет, я имею в виду узенькие рельсы, предназначенные для непонятного рода транспорта, загадочные и от того наиболее притягательные. Когда-то давно такие рельсы пересекали Красный Путь в районе табачной фабрики (сейчас она ушла в небытие и на этом месте красуется квартал современных многоэтажек из светло-желтого кирпича) и уходили через дворы куда-то на Северные. Сейчас от этих рельсов не осталось даже памяти: после реконструкции и расширения Красного Пути в 2007 году, когда был полностью обновлен асфальт, они были стерты с лица земли. Вероятно, по ним возили продукцию табачной фабрики – тут хотя бы это очевидно. Еще одни рельсы когда-то тянулись довольно длинной полосой в Лукьяновке, с ДОКа – деревообрабатывающего комбината. Мне повезло, и я однажды лично увидела маленький локомотивчик, пыхтевший, свистевший

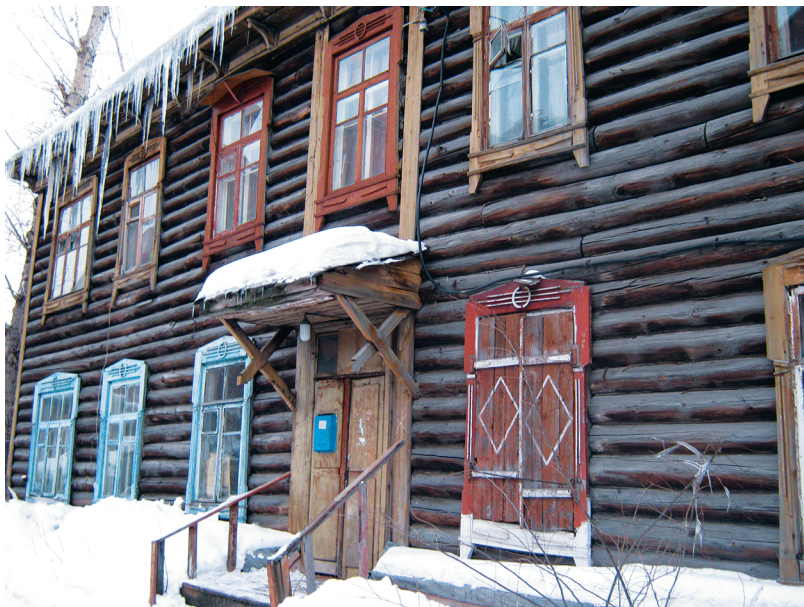
и везший какие-то доски. Кроме того, какая-то загадочная железнодорожная ветка тянется параллельно Северо-Восточному кладбищу по направлению к ТЭЦ-5. Здесь я тоже в 2001 году увидела едущий по ней тепловоз. Конечно, это далеко не все рельсы непонятного назначения. Хотя почему непонятного? Каждые из них имели в свое время четко поставленную цель, и жаль, что многие из них либо утратили ее, либо были вообще поглощены рекой забвения. Думаю, что их в Омске еще очень много, и бродить по ним, отыскивать новые и придумывать про них загадочные истории очень увлекательно. Я бы очень хотела если не стать, то хотя бы временно почувствовать себя сталкером, и прогулки по задворкам дарят мне такую возможность.

Но вернемся на Учебную. Мы не пойдем по рельсам до конца, а свернем в уютные маленькие дворики около домов под номерами 190 и 192. Это уютные кирпичные двухэтажные домики, образующие замкнутый светлый мирок, в котором хочется жить. Над подъездом одного из них висит старый фонарь в решетчатой окантовке, а на подходе к домам, на пне, притулилась оригинального дизайна кормушка для птиц, представляющая собой избушку из веточек и жердочек, щедро залитую монтажной пеной. Одной стороной эти домики выходят на трамвайные пути, что, конечно, не очень приятно, поэтому окна здесь в абсолютном большинстве пластиковые, с шумоизоляцией. Напротив этих домов – наркологический диспансер, розовое здание, огороженное высоким забором с витыми узорами и обсаженное пышными темно-зелеными елками. Хотя здесь тесно соседствуют наркологический и – чуть поодаль – онкологический диспансеры, энергетику микрорайона они не омрачают. Несмотря ни на что, здесь хорошо. В соседних с наркодиспансером домах на первом этаже расположены симпатичные продуктовые магазинчики, маленькие, не супермаркеты. В них можно купить

пирожное-корзиночку не в пластиковой упаковке, а в полиэтиленовом пакете, и сразу съесть его, выйдя на улицу и вдыхая полной грудью весенний воздух (вообще сладости на улице есть намного вкуснее, чем в помещении, я давно заметила).

Здесь много четырехэтажных домов – редкость для большого города. Дворики с песочницами, плюшевыми зверями в них, комнатными качелями, привязанными к старому турнику. На балконах сушится одежда, и лимонно-желтое платье отражает солнечные лучи. Трамвайная остановка «Улица Учебная» – от нее рукой подать до 16-го военного городка, описанного ранее. Иногда на первом этаже какого-нибудь дома мелькнет кустарное предприятие вроде бывшего здесь когда-то ателье «Любвен», да и вообще тут параллельно с жилыми домами полно каких-то странных, малоизвестных организаций, названия которых представляют собой неудобочитаемые аббревиатуры. Много каких-то складов, хозкорпусов, заводских цехов, отколовшихся от самих заводов, гаражей – в общем, тех самых загадочных закулочков, составляющих прелесть таких мест.

Далее можно выйти на улицу Панфилова. Она вся какая-то пыльная, шумная, жилых домов здесь немного, зато фабрик и производственных корпусов – достаточно. Гулять по этой улице сложно: пешеходного пространства здесь мало, зато много пыли от несущегося потока машин. Если перейти Панфилова, то можно прогуляться по Транспортным и далее выйти на Богдана Хмельницкого, где мы уже бывали раньше. Словно мы бродим по таинственному лесу, в котором, как известно, заблудившийся путник всё время ходит по кругу. Но такое путешествие никогда не надоедает. Каждый раз открываешь какие-нибудь милые подробности, стараешься удержать в памяти уходящее, запечатлеть на фото то, что, возможно, скоро исчезнет навсегда. Такие прогулки, на мой взгляд, обогащают духовно. Они нужны и жителям города, и самому городу.

«Пряничный домик» на Учебной (осень 2013-го)

В одном из дворов на Учебной. Задворки задворок

Учебная, 78 в лучшие времена (2011-й, весна)

Учебная, 78 и 80 осенью 2017-го. Расселены и готовятся к сносу

«Домик с галдарейкой» (весна 2011-го)

«Домик с галдарейкой» канул в Лету (2017-й, осень)

Учебная, 68 в первоизданном виде (осень 2010-го)

Учебная, 68 – новая жизнь старого дома (осень 2017-го)

«Век нынешний и век минувший» (дом на Училищной, зима 2013-го)

Пушкина, 107 – еще один волшебный теремок

Этнографические наблюдения. Улочка Полосухина

Полосухина, 91. «Домик с финтибрысами»

Те самые сарайчики во дворах. Ценная рухлядь

Сарайчики в 16-м военном городке. Модернизированный вариант

20 лет РККА, 19 (один из корпусов)

Сказочный палисадник на 20 лет РККА

Коты на задворках: матерые и брутальные

«Зрительный зал» для вечерней медитации

9-я Линия, 191. Деревянная жемчужина

8-я Линия, 166 в дооранжевый период

Начало знаменитого «блошиного рынка»

Домик на Бульварной

Дворик на Бульварной. Превратности бытия

Лето на задворках (улица Бульварная)

«Платформа 9 и $\frac{3}{4}$ »: тоннель на улице Карбышева

Академика Павлова, 15. Сказочный теремок

Где-то на улочке Гризодубовой (лето 2011-го)

Сельский уголок. Улица Гризодубовой

Орловского, 6. Домик необычной архитектуры

Ангарская, 9. Живой и жилой ныне

Весна на Учебной улице

Очарование задворок. В одном из дворов на Учебной

Послесловие

Город, город!
Ты огромен
И как будто бы бескраен.
И всегда твои мы дети...

Л. Мартынов

Наше путешествие по задворкам почти завершилось. Разумеется, здесь описаны далеко не все притягательные уголки Омска. Их много на 3-м Разъезде, на Биофабрике, в поселке Волжском, на улице Труда, на территории Аграрного университета, на улицах Герцена и Орджоникидзе, всех Ремесленных и, конечно же, в Нефтяниках. Это отдельная тема для разговора, достойная полноценного очерка. К тому же, в этой книге описаны местечки, запавшие в душу давно и прочно, а Нефтяники всё же мною исследованы пока не столь обстоятельно.

Старые дома, почти очеловечившиеся, маленькие уютные дворики с непременно стулом у подъезда и рваным тулупчиком, наброшенным на забор. Авоська с каким-то свертком, вывешенная по старинке за окно. Клумба с космеей и мальвами, посреди которой торчит обшарпанная мягкая игрушка. Облетевшая со стен штукатурка, старенькая рама крошечного окошка, выходящего на кирпичную стену соседнего дома. Деревянная лестница на второй этаж, трехколесный велосипед, оставленный на площадке, разноцветные

почтовые ящики, прикрепленные на входную дверь. То березка, то рябина, то пробивающийся из-под асфальта молоденький светло-зеленый кленок. Рыхлый, подтаявший предвесенний снег, осенние листья, прохладно шуршащие под ногами. Всё это и многое другое полно невыразимой поэзии, красоты. Схватить это, удержать, сохранить на веки вечные и звезду донести до садка на трепещущих мокрых ладонях — задача в полной мере невыполнимая, но, надеюсь, частично у меня получилось это сделать. Я знаю, что у меня есть единомышленники: немало в Омске людей, ужаленных в сердце поэзией уходящего. Вам, ценителям, любителям, поклонникам старого, ветхого, рассыпающегося, исчезающего, посвящается эта книга. Вам, задворкам, старым домам и всему им сопутствующему, вечная слава и вечный... покой? Нет, вечная жизнь в воспоминаниях, на страницах пожелтевшего фотоальбома, в тысячах мегапикселей, в строках очерков. Это тоже реальность, имеющая право быть, возможно единственно реальная. Это — маленький праздник, который всегда с тобой.

Содержание

Предисловие	3
Улицы Учебная, Пушкина и иже с ними	6
В 16-м военном городке и его окрестностях.	17
Улицы 20 лет РККА, Богдана Хмельницкого, Красных Зорь, Линии	26
Продолжение Линий, Транспортные, Богдана Хмельницкого	33
Бульварная, Ипподромная, Ермака, 1905-го года, снова Линии	39
Карбышева, Избышева, Вокзальная, Академика Павлова	47
Котовского, Орловского, Братская, Ангарская.	54
Снова Учебная, Бульварная, немножко Панфилова. Завершение путешествия.	59
Иллюстрации.	65
Послесловие	81

Литературно-художественное издание

Наталия Савицкая

ГОРОДСКИЕ ЗАДВОРКИ:
поэзия уходящего

Редактор Л. В. Новоселова

Подписано в печать 29.05.2018. Формат 60 × 88/16.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 5,25 Уч.-изд. л. 3,6.

Тираж 25 экз.